

КАК

ОТНОСИТЬСЯ
К ИСЛАМУ
ПОСЛЕ
БЕСЛАНА

Диакон
Андрей
Кураев

Арабское слово «ислам» означает «мир». И тем не менее во имя религии, носящей столь достойное имя, совершаются самые мерзкие убийства. В современном обществе не принято спрашивать соседей об их национальности и религиозных взглядах. Но трагедия в Беслане заставила задуматься над мерой наших различий. Трагедия исламского мира в том, что он не выработал еще устойчивого иммунитета против собственных радикалов. Но от этой его болезни больно становится нам — его соседям не только по планете, но и по улице... В этом сборнике объединены шесть моих выступлений на тему чеченского конфликта и терроризма — статьи в «Известиях», «Труде», «Огоньке», «Трибуне», выступление на радио «Эхо Москвы». Между ними расстояние почти в десять лет. Другой стала реальность и в Москве и в Чечне. Стал ли другим ислам? Не знаю. Но более жесткими стали мои суждения по означенным темам. И не только мои. Всё больше недоумения, осуждения, возмущения в адрес ислама копится среди христиан. А, значит, и мусульманам становится тяжелее жить рядом с нами. Чтобы не рухнула драгоценная гарантия единства России — мир между христианами и мусульманами — нужно, чтобы сам исламский мир осознал проблему исламского террора как свою болезнь. Дежурные заклинания на тему «у террористов нет религии и национальности» — это помощь в разрастании укрываемой болезни, а не лечение ее

Как относиться к исламу после Беслана?

Опубликовано (в сокращенном виде) в «Известиях» 15 сентября 2004 г.

....не надо говорить, что у этих яблок не было яблони

Среди детей, плененных в бесланской школе, был 13-летний Саша Погребов. «— Они (боевики. — Прим. авт.) с утра над нами стали издеваться. Мы все раздетые сидели, и террорист увидел у меня крестик на шее. В это время под окнами школы уже рвануло первый раз. Мальчишку потыкали стволом в грудь, вминая крестик в худое тело, потом потребовали: «Молись, неверный!» Саша крикнул: «Христос Воскресе!» И тогда бандиты стали бросать в переполненный спортзал гранаты! Сашка понял, что терять больше нечего. Среди взрывов и криков он что-то закричал, а что, и сам не вспомнит, и бросился в открытое окно. А за ним побежала еще сотня детей» (так его рассказ передает «Комсомольская правда» от 6 сентября).

Но даже если бы этого эпизода не было — все равно пришлось бы сказать, что произошедшее в Беслане не просто преступление. Это религиозное преступление. Ритуальное убийство. Убийство детей, совершенное с молитвой и во имя веры террориста. С криком «аллах акбар» террорист убивает людей, принося их в жертву своей религиозной идее¹.

Поэтому оценка этих, говоря юридическим языком, «деяний», не может подниматься выше той планки, которую подчеркнул Патриарх Алексий в своем послании к президенту президенту РФ В. В. Путину в связи с массовой гибелью заложников в Беслане от 3 сентября: сатанизм («Сбросив все маски, терроризм явил свое сатанинское лицо: поправ все святое, Бога не боясь и людей не стыдясь, так называемые "борцы за свободу" подняли свои, обгаренные невинной кровью руки на детей»).

Христианин, принесенный в жертву сатанистом, безусловно попадает ко Христу — к Тому, Кто никого не приносил в жертву Себе, но Себя принес в жертву за всех. Таков был путь первых русских святых: мучеников Федора и Иоанна (память 12 июля по ст.ст). В 983 году — за пять лет до

¹ "... Не говорят и о зверствах, которые творили бандиты с заложниками. Во владикавказском морге нам рассказали, что было немало трупов с перерезанным горлом, у женщин были отрезаны груди, уши, носы. А одну заложницу боевики распяли за то, что она отказалась снимать с шеи крестик" (Кузнецова Т. Город ангелов // Аргументы и факты. 15 сентября 2004 г. http://aif.ru/online/aif/1246/07_01)

Крещения Руси — киевские язычники решили принести в жертву своим богам сына Феодора — Иоанна. Христиане не высказали своего согласия на это — и были убиты.

Этот эпизод стоит сопоставить с историей, имевшей место в Константинополе в том же X веке. Сегодня идут войны между армиями, вооружение которых разделяют технологические пропасти: ракеты и роботы против ружей, изготовленных в позапрошлом веке. Но в былые века качество вооружений воюющих сторон было более—менее одинаково, равно как и тактика и физические качества воинов. И поэтому победа зависела от желания ее достичь. Отчего же арабские армии раз за разом одолевали войска римлян? Византийский император Никифор Фока решил, что дело в более высоком религиозном духе арабов. Их религия обещает каждому «шахиду», павшему на поле, немедленное вхождение в мусульманский рай с гуриями (а для желающих и с юношами — «обходят их мальчики вечно юные» (Сура 56:17)). Конечно, такая уверенность в собственном спасении позволяла мусульманским воинам проявлять бесстрашие перед лицом угрозы. Император решил, что подобной верой надо воодушевить и своих воинов. И потому потребовал от Константинопольского патриарха св. Полиевкта причислять к лику святых всех без различия воинов, павших на войне с арабами. Патриарх (имя которого значимо и для истории Руси: именно он крестил св. княгиню Ольгу) не только отказался, но еще и ответил императору, что оставшиеся в живых воины только по снисхождению допускаются к принятию Святых Таин, от которых они должны были бы отлучаться на пять лет как пролившие кровь. Мотив Патриарха понятен: нельзя воевать без ненависти. А ненависть опалает душу. Как пожарник, бросившийся в огонь и спасший ребенка, тем не менее получает ожоги и нуждается в лечении, так по смыслу церковных канонов и воин, вернувшийся с войны, нуждается в духовном лечении и покаянии, а потому и подлежит временному отлучению от Причастия...¹.

¹О епитимье воинам см. также: преп. Феодор Студит. Послания. кн. 1. М., 2003, с. 178. 13-е правило св. Василия Великого предлагает на три года отлучать от причастия воинов, убивших на войне, а 55-е его правило отлучает от причастия и тех, кто силой меча сопротивлялся разбойникам. Более того, в XII веке при патриархе константинопольском Константине Хлиарине собор постановил, что убивающие разбойников как при защите, так и ради общей пользы по призыву других, должны подвергаться такой же епитимье, какой подлежат совершающие убийство на войне, а тот, кто убивает разбойника при полной возможности избежать его нападения, должен подвергаться более строгой епитимье (см. Правила святых апостол и святых отец в столкованиях. М., 2000, с. 325). С течением времени позиция Церкви смягчилась. В XIX веке святитель Феофан Затворник так утешал родственников погибших моряков: «Станем мерить сию участь в отношении к участи вечной. Это главное. В каком положении были все эти лица? В положении исполняющих долг свой. Военный долг стоит ли в ряду Божиих? Да! Теперь судите. люди ис-

Что же касается павших воинов, тот тут нельзя всегда быть уверенным в том, что человек, погибший в бою, воодушевлялся в нем не злобой и жаждой мщения, а желанием защитить своих любимых.

Но когда речь идет о павших без оружия в руках — тут религиозные последствия более ясны. Особенно, когда в роли убийц выступают не бандиты и воры, а люди чужой веры, убивающие христиан именно во имя этой своей веры.

Может быть, от имени Церкви пора провозгласить анти-шахидскую «догму»: не шахид-террорист попадает в рай, но, напротив, люди, убиваемые фанатиком сатанинской секты, приемлются Господом независимо от того, как эти люди ранее жили на земле. Если Господь Промыслом Своим свел пути сатаниста, который свое ритуальное убийство совершает над человеком, с самим этим человеком, значит, Господь решил, что для этого человека именно такой исход из земной жизни будет самым коротким путем в благу Вечность.

Такого рода уверенность нужна нам сегодня — чтобы нейтрализовать главную бомбу, которую пробуют взорвать террористы в наших умах. Они хотят взорвать наши умы страхом, парализовать нашу волю. Как же избавить нас от комплекса затравленной жертвы, если смерть и в самом деле может быть везде? Мужество может вернуть только религиозное мировоззрение. Потому что только оно вообще способно избавлять от страха смерти. Только религия позволяет смотреть через смерть — дальше. Без веры в Божий Промысел и в даруемую Им Вечность сегодня уже затруднительно пересекать границы метро и аэропортов.

То, что раньше казалось только высокими словами (я имею в виду рефрен церковной проповеди о том, что без веры не будет возрождения России) сегодня стало психологически очевидным. Потому что если у тебя нет

полнявшие свой долг внезапно захвачены смертью и отошли в другую жизнь. Как их там встретят? Конечно без укора. и при том как исполнителей своего долга. Говорит Господь: в чем застану, в том и сужду. Прибавьте к сему, смерть их была ли сладка, или мучительна? Я думаю, что подобную мучительность испытывали только великие мученики. Хоть она была непродолжительна, но меры ей определить нельзя. За что потерпели они сию мучительность? За исполнение долга. Так терпели и все мученики, и следовательно скончавшиеся по причине крушения «Русалки» должны быть причисляемы к сомну мучеников. Я не колеблясь решаю, что как разбойник с креста прямо в рай поступил, так и они. Я почитаю смерть их, в отношении ко спасению вечному, лучше смерти всех, кои в ту пору умирали, будучи окружены родными и знаемыми» (свт. Феофан Затворник. Собрание писем. Вып.1 и 2. Псково-Печерский монастырь, 1994, сс. 256-257. (Письмо 202)).

веры в Промысл Божий, который или сохранит тебя, или через эти страдания введет в Небесную славу, если у тебя нет такого доверия к Промыслу Божию, нет веры в то, что со смертью тела взорванного ничего не кончается для твоей души, тогда ты будешь парализован и будешь сидеть в каком-нибудь погребе за 101-м километром от Москвы. Тогда ты станешь жертвой истории, а не ее творцом.

И еще — верующие заложники не будут умолять власти исполнить любые ультиматумы своих палачей.

Конечно, когда я говорю о сатанинских наитиях, обдержаживающих террористов, я не утверждаю, будто сатанизм — это оценка ислама. Очень разные люди исповедуют ислам и очень по разному они переживают и осмысливают свою веру.

Например, 6 сентября в московском метро ко мне подошел мужчина с лицом, по которому принято догадываться о «кавказской национальности». Он сказал, что нашел на улице нательный крестик и не знает, что с ним теперь делать. Мой совет отнести крестик в храм он отклонил следующими словами: «Я мусульманин. В ваши храмы заходить не могу. Но и выбросить крестик совесть не позволяет. Возьмите его себе!». Сатанист так не поступил бы. Он бы скорее с радостью растоптал крестик или отбросил бы его в кучу мусора...

История преподносит неожиданные сюрпризы. Ну, кто бы мог подумать, что в начале 21 века судьба человечества окажется в руках богословов? А это и в самом деле так — правда, с тем уточнением, что речь идет о богословах мусульманских. Исламская умма (церковь) устроена иначе, чем православная или католическая церкви. Умма управляется учеными; личное образование значит больше, чем прохождение через церемонию посвящения. Голос ислама — это голос улемов — знатоков богословия (от араб. алим — знаток религии). Эти люди, не менее 12 лет своей жизни посвятившие изучению Корана, получают право на его публичное истолкование. И от них сегодня зависит, как будет истолкована кораническая заповедь джихада. От них зависит, приложат ли они высокое имя «шахида» (мученика) к террористам, взрывающим себя вместе с детьми «неверных», или же назовут террористов террористами, самоубийцами и убийцами детей...

Мулла Омар (и не он один) поддержал теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Другие мусульманские авторитеты осудили этот теракт. Неуютно, конечно, жить в мире, в котором о твоей жизни ведутся такие дискуссии, но еще хуже было бы, если б этих дискуссий вовсе не было бы и ислам-

ский мир сохранял бы средневековую монолитность мнений. А так мы можем находить определенное утешение в созерцании этих дискуссий.

Как, например, перевести 5 аят из 47 суры Корана — «Бог не допустит неудачи в делах тех, которые сражаются во славу Его»? Некоторые исследователи Корана предлагают вместо активной глагольной формы читать здесь пассивную форму: вместо *каталю* — читать *кутилю*, то есть вместо «те которые убивают» — «те кто были убиты». Аналогично и в суре 22 (аят 40) предлагается заменить активную форму на пассивную: *юкаталюхум* вместо *юкаталюна* ; «утверждение дано тем, которые убиты» вместо «утверждение дано тем, кто убивает»¹. До XX века большинство толкователей придерживались традиционного, активного чтения; Джелаль-уд-Дин вообще считал этот стих первым местом Корана, разрешающим джихад...²

Но должны ли мы быть просто зрителями этих дискуссий? Или же можем принять в них участие? Государство может это сделать весьма простым путем: создать такие условия, чтобы в российском информационном пространстве звучали голоса тех, кто дает исламу миролюбивое толкование, и ограничивать проповедь тех мусульман, которые настроены воинственно.

Как-то, желая сократить число своих «антиисламских фобий», я взял в руки брошюру с замечательным названием — «О свободе научных исследований в Коране». Меня заинтриговало название этой книги, потому что оно трудно соотносилось с моим представлением об исламе. Книжка оказалась пропагандистской. Свобода исследований признавалась, но — только в рамках исследования Корана. Свобода дискуссий доказывалась там таким примером. В решающей битве последователей Магомета с арабами-язычниками несколько десятков «неверных» были захвачены в плен. На военном совете решался вопрос, что с ними делать. Одни предлагали пленных казнить. Дру-

¹Перевод Крачковского: «Поистине, Аллах не любит всякого изменника, неверного! Дозволено тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены... Поистине, Аллах может помочь им» (Сура 22, 39-40).

²Цветков П. Джихад в Коране и в жизни // Миссионерское обозрение. 1912, № 9, сс. 814-815. Комментарий к этому аяту мусульманского ученого Юсуфа Али: «Это можно понимать двояко: “каталу” — 1) “те, кто сражается”, и 2) “те, кого убивают”. В первом случае значение шире, оно включает в себя и второе значение... Некоторые переводчики не заметили, что “йукаталюна” стоит в пассивной форме, т.е.: “против них ведётся война”, а не: “они ведут войну”» («Значение и смысл Корана», SKD Bavaria Verlag, 1999. — С. 2420 и 1566).

<http://islam.ru/pressclub/smi/kuraevu/>

http://www.svobodaslova.ru/svobodaslova/0..id-562_tp-%2Bsvobodaslova%2Bsite%2BTranscript.00.html

гие продать в рабство или потребовать у их родных выкуп. Победила точка зрения, что их надо продать. Через пару дней один из сподвижников Магомета (Омар) увидел пророка Магомета плачущим. На вопрос, почему он плачет, пророк ответил: Всевышний ниспослал откровение: "Ни одному пророку не годилось иметь пленников, пока он не производил избиения неверных на земле» (Коран 8,67). Так что пленников надо было казнить. Далее автор брошюры комментирует этот эпизод: мол, раз пророк Магомет не наказал того генерала, который принял неправильное решение, то свобода дискуссий возможна...¹ Отчего-то этот пример меня убедил скорее в обратном.

Исламские лидеры России политкорректно считают, что терроризм от имени ислама есть прежде всего терроризм и потому по сути своей есть анти-мусульманская деятельность. Но есть и иная позиция: «Конкретно использование на российской территории женщин в качестве «шахидок» разрешили и даже рекомендовали религиозные авторитеты — ваххабитские улемы (ученые) из Саудовской Аравии, а на практике реализовал ваххабитский эмиссар — саудовский «амир» Абу-аль-Валид»². А ваххабитский улем Салман аль-Ода, внедряющий через интернет идею о соответствии канонам ислама самоубийственных террористических актов в Чечне, являлся до недавнего време-

¹ «Замечательный пример свободы мнения и обсуждения в духе братства и взаимного уважения мы находим в истории при решении вопроса о пленниках, захваченных в битве при Бадре. Посланник Аллаха спрашивал у своих сподвижников совета, как поступить с пленными. В то время Аллахом еще не было ниспослано откровения, указавшего бы, как следует поступить в данном конкретном случае. Естественно, мнения по данному вопросу разделились. Посланник Аллаха принял одно из решений и отдал распоряжение о его выполнении. Однако после его осуществления, Аллах ниспослал откровение, в котором осудил принятое решение и указал, что верной была совсем другая точка зрения. Можно ли привести более красноречивый пример подобной свободы мнений? Хадис (предание) гласит: "Посланник Аллаха спросил мнения Абу Бакра, Али и Омара. Абу Бакр сказал: "О, Посланник Аллаха! Они [пленные] родственники и братья. Я считаю, что их нужно отпустить, взяв с них выкуп, который мы используем для войны с неверными. А их, может быть, Аллах направит на правильный путь, и они станут поддержкой". Омар ответил: "Я не согласен с Абу Бакром! Если бы мне пришлось решать, как поступить в подобной ситуации со своим родственником, то я бы убил его, чтобы Аллах знал, что в наших сердцах нет пощады к неверным, тем более, что это их храбрецы, вожди и предводители". На следующий день Посланник Аллаха сказал: "Всевышний ниспослал откровение: "Ни одному пророку не годилось иметь пленников, пока он не производил избиения [неверных] на земле". Вот показательный урок свободы мнения, которому сподвижники научились от Посланника Аллаха. Этому примеру он всегда следовал при решении всех вопросов, показывая человечеству путь к добродетели и обучая людей свободе» (Хусейн Хамид Хасан, президент Всемирного исламского университета. Свобода научных исследований в исламе. Б.м.б.г. Сс. 35-37).

² Игнатенко А. Индустрия самоубийства // Независимая газета 2.09.2004.

ни деканом в саудовском исламском университете "Умм аль-Кура", расположенном в Мекке¹.

Хотя бы поэтому телеинъекции на тему «у терроризма нет национальности и религии», каждый раз с предсказуемой очевидностью вспыхивающие после очередного теракта, просто глупы. Не инопланетяне же в конце концов взрывают наши самолеты и школы! С этим «политкорректным» тезисом можно было бы согласиться, если бы верующие мировых религий по очереди устраивали теракты. То буддисты захватят школу и расстреляют в ней детей... То даосы взорвут самолет... То христиане подорвут кинотеатр... Вот в этом случае можно было бы ограничиться повторением банальности о том, что у каждого народа есть право иметь своих подлецов... Но ведь все очевидно не так.

Может быть, терроризм — это следствие искаженного понимания Корана. Но ведь — именно Корана, а не книги о Винни-Пухе. И у истоков этого искажения стоят ученейшие исламские мужи (улемы), а не безграмотные арабские скинхеды. Исламский мир роднят с миром террора не плохие ученики, а отменные и популярные учителя! И если власти Саудовской Аравии только в мае 2003 года были вынуждены отстранить от должностей 1710 человек из духовенства — значит, проблема не в одиночках. При таких масштабах террористическая проповедь — это болезнь уже всего исламского сообщества. И отчего-то в России, Казахстане или Узбекистане обнаруживают центры подготовки террористов — то отчего-то эти центры чаще оказываются связанными с мечетями и медресе (мусульманскими семинариями), чем с клубами служебного собаководства.

У террористов нет религии? Но они несомненно и крепко верят в продолжение жизни после взрыва собственного тела. Они прославляют вполне определенного Бога (и это отнюдь не имя великого Вицли-Пуцли). А названия их организаций говорят о готовности воевать за ислам, а не за футбол.

Их можно считать плохими мусульманами. Но это именно мусульмане. Насколько я помню, чтобы стать мусульманином, достаточно произнести формулу «Нет Бога кроме Аллаха и Магомет пророк Его». Неужели эту формулу отрицали террористы в Беслане? Неужели Коран они не считали откровением Всевышнего?

Знаете, когда в западном мире несколько лет назад шел сексуальный скандал, то католикам и в голову не приходило говорить, будто у них в семи-

¹Игнатенко А. Миссия невыполнима? Власти Саудовской Аравии начали бороться против религиозного экстремизма // Независимая газета 18.06.2003

нариях преподают гомосексуалисты, «у которых нет национальности и религии», а не католики. Католическая церковь оказалась достаточно честна и мужественна, чтобы в этих грешниках признать своих людей, а, значит, в их грехе увидеть и свою вину. Увидеть — чтобы преодолеть.

Ни Будда, ни Христос, ни Конфуций не брали в руки меч. Их аргументы были далеки от мира военных технологий. Но с оружием в руках прорубали пути своим народам Моисей и Магомет. Может быть, поэтому до сих пор иудеи и мусульмане выясняют свои отношения на языке бомб. Сам основатель ислама соединил слово веры и меч. Поэтому среди его учеников идет спор между теми, кто предпочитает одно другому.

И сам Коран разноречив, если не сказать — противоречив. Напомню, что Коран в мусульманском представлении — это собрание откровений, посылавшихся пророку Магомету в разные годы его жизни. Сам Магомет не записывал свои видения, а пересказывал. Сведение воедино разрозненных записей и мемуаров началось уже после его кончины, и лет через 20 после нее одна из этих коллекций — составленная юношей Заидом — была халифом Усманом провозглашена единственно верной. Все остальные записи (в том числе и хранившиеся у вдов пророка) были объявлены ложными и сожжены¹. Суры (книги) Корана расположены без логической связи друг с другом. Кроме того, они расположены не в хронологическом порядке. То есть нельзя считать, что события, рассказанные в суре, расположенной в начале Корана, предшествовали событиям, о которых идет речь в суре, следующей за ней. И нельзя считать, что первая из этих сур была дана Магомету раньше, чем вторая. Принцип последования сур в Коране был избран подчеркнуто формальный: от самой длинной к более коротким (сура 2-я — «Корова» — насчитывает 286 стихов (аятов), а заключающая Коран сура 114-я — «Люди» насчитывает всего 6 стихов). Таким путем составители Корана старались подчеркнуть одинаковую значимость любого слова, сказанного Магометом.

Тем не менее, обычно в Коране выделяют два ряда сур: мекканские и мединские. Мекканские суры были получены Магометом в Мекке, которая еще была ему неподвластна, в период его собственных странствий и гонений. Мединские — уже после того, как он стал самовластным хозяином в Медине (ну, и затем, конечно, снова в уже покоренной Мекке).

Так вот, все те тексты, которые апологеты ислама приводят в подтверждение своей терпимости и отчужденности от террористов, относятся к мек-

¹ См., например, Гилкрист. Дж. Мухаммад и его книга. СПб., 1999, с. 264.

канскому, раннему периоду жизни Магомета. Это, например, 29-я сура: «И не препирайтесь с обладателями книги (т.е. евреями и христианами), иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: "Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог один, и мы Ему предаемся" (29,45). Пока Магомет был только проповедником, он говорил, что «в делах религии нет принуждения». Когда же под его властью оказалась армия, послышались совсем иные нотки.

Вот несколько «текстов меча»: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих! И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убиение! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных» (2,186-187).

Политкорректно настроенные мусульмане обычно подчеркивают, что это заповедь об оборонительной войне. Однако, обстоятельства дарования этой заповеди позволяют в этом усомниться: «Ибн Аббас рассказал, что данный аят был ниспослан в связи с тем, что Пророк отправился в Мекку в сопровождении 1400 своих сподвижников. В Хадайбийи (местечко недалеко от Мекки) язычники преградили им путь. После долгих переговоров язычники договорились с пророком, что на следующий год они на три дня оставят Священный город и позволят мусульманам войти в него для совершения обхода вокруг Каабы. Через год мусульмане вновь отправились в Мекку, но опасались, что язычники не сдержат своего обещания и вновь не позволят им войти в Священный город. В этот момент и был ниспослан аят, который позволяет мусульманам защищаться с оружием в руках в случае, если противник нападает на них первым»¹.

Мусульмане тогда были лишь одной из многих сект арабского мира. Они пробовали пройти через чужой город (Хадайбийю), в котором люди не разделяли их верований. Они пробовали войти в другой и тоже не их город (Мекку), в котором коренное население задолго до появления ислама поклонялось камню Каабы. И цель этого похода в том, чтобы у чужой святыни совершить свои ритуалы. Так что хадис (хадис — предание, рассказанное спутником Магомета, в данном случае Ибн Аббасом) дает этому кораническому тексту такое толкование, при котором виноватой всегда окажется «неверная» сторона: если мусульмане вторгаются в ЧУЖУЮ землю и в чужой

¹Свет священного Корана. Разъяснения и толкования. Т.1. Исфахан, Иран, сс. 424-425.

город для исполнения того, что они считают своим религиозным долгом, но первый выстрел делают туземцы — то агрессором все равно будет считаться местное население.

Предположим, что один президент России пообещал НАТО, что через год он пропустит натовские войска через Россию в, например, Иран. Прошел год. За этот год в России сменился президент. И он отозвал назад прошлую договоренность и сказал, что не пропустит чрез свою территорию чужие войска. Тем не менее натовцы, спеша осуществить свою «гуманитарную миссию» в Иране, проложили себе нужный им путь, пройдясь огнем и мечом по русской земле. Кто будет считаться агрессором?

Современные же толкователи Корана (в данном случае — иранские) тут же поясняют, ради каких «гуманитарных целей» допустимо воевать: «Исламские войны ведутся во имя Аллаха, повелевающего распространять истину, единобожие, бороться с беззаконием, моральным разложением и ересью. Ислам осуждает войны, которые ведутся ради отмщения, захвата и военной добычи»¹. Как видим, исламская сторона оставляет за собой определение повода к войне: если она сочтет, что в соседней стране царит «ересь» или «моральное разложение» или просто «беззаконие», то можно придти с незваной проповедью. И с мечом. «Моральным разложенцам» посылается предложение принять ислам. Если они отказываются — тут им и дается понять, что в глазах мусульман вся планета делится всего лишь на два участка: «земля Ислама» и «земля войны»... Правда, мусульманам позволено настаивать на своем и отступить: в том случае, если вооруженная мощь врага превосходит их собственные более чем в два раза...

В этом — главная проблема сосуществования с миром ислама. А именно — несимметричность ответа ислама на то, что кажется им несправедливым по отношению к ним. В ответ на «несправедливость» разрешается война.

И даже в сегодняшней России малейшая попытка вступить в дискуссии с мусульманами тут же вызывает предупреждения о том, что меч и гексоген лежат у прихожан мечетей по рукой. Слишком многие мусульманские деятели избирают путь открытого шантажа: мол, не дадите нам то или не откажитесь от этого, спокойствие наших прихожан мы вам не гарантируем... Например, на передаче «Свобода слова» (НТВ, 14.12.2002): председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России шейх Нафигулла

¹Свет священного Корана. Разъяснения и толкования. Т.1. Исфахан, Иран, с. 425.

Аширов грозил «второй Чечней», если в школах России появятся уроки по «основам православной культуры»¹.

Если же мусульманин решил, что у него есть основания к войне, то дальнейшие ограничения уже довольно слабы: «Сообщается, что ас-Са'б бин Джасма сказал: Однажды у пророка спросили, можно ли нападать на спящих многобожников, в результате чего могут пострадать их женщины и дети, на что он ответил: Они принадлежат к их числу»².

Вот формула тотальной войны: «сражайтесь все с многобожниками, как они все сражаются с вами» (9,36). Но разве «все многобожники» сражаются против ислама?

Впрочем, не менее, чем сама эта формула, поражает современный комментарий к тому стиху, который следует за ней: «В 9,38 речь идет о походе на город Табук в 630 г. что находился в 500 км к северо-западу от Медины, на границе с Сирийской провинцией Византийской империи. Так как император Византии лично прибыл на границу для инспектирования боевого состояния своих войск и шли упорные слухи о возможном вторжении их в Аравию, Мухаммад решил предвосхитить это событие и, собрав большую армию, двинулся на Табук. По дороге он заручился поддержкой нескольких христианских и иудейских племен, подписав с ними союзные договоры. Результатом этих мер стало то, что Византия не решилась на войну с мусульманской Аравией»³. Комментарий этот дает русская женщина — имам Валерия Порохова.

Нетрудно заметить, что при таком понимании этот стих разрешает нанесение превентивных ударов. Ну, а с точки зрения исторической все было немного иначе. Только что — в 629 г кончилась многолетняя изнурительная война Византии с Персией. Так что ни сил, ни интереса направлять военную

¹ «АШИРОВ: Я думаю, что это может привести к тому, что другие народы задумываются над тем, а комфортно ли им жить в России? И мы получим уже не одну Чечню, а, может быть, больше». Однако, г-н Аширов сначала — и еще на самой передаче — получил от Шустера: «наш уважаемый гость заговорил о Чечне... Вы понимаете, вот когда выговариваются такие слова «вы получите еще одну Чечню», в принципе ... ИЗ ЗАЛА: Шантаж. ШУСТЕР: ... вот такие выражения — они вызывают межнациональные конфликты, я считаю. (АПЛОДИСМЕНТЫ)... Нам надо забыть выражение «вы получите вторую Чечню». Это высказывание надо вообще изъять из лексики. (АПЛОДИСМЕНТЫ)».

http://www.svobodaslova.ru/svobodaslova/0..id-562_tp-%2Bsvobodaslova%2Bsite%2BTranscript.00.html

² Сахих аль-Бухари. Мухтасар. Полный вариант. М., 2003, с. 486.

³ <http://www.koran.ru/pr/page009.html#038>

экспедицию в аравийскую пустыню у Византии не было. Напротив, император Ираклий, считая что при отсутствии угрозы из Персии от арабов не стоит ждать опасности, прекратил выплату жалованья арабским пограничным шейхам¹, что и стало причиной последующего военного успеха мусульманской армии. Нет, Византийская империя не планировала захват Аравии (нефть тогда мало кого интересовала, а песок и ныне ценностью не обладает).

И в конце концов — разве именно защищаясь, мир ислама раздвинулся за полвека на полмира? Неужели Магомет, лично участвовавший в 62 сражениях, и его преемники вели именно и только оборонительные войны?

«А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы. Либо милость потом, либо выкуп, пока война не сложит своих нош. Так! А у тех, которые убиты на пути Аллаха, — никогда Он не собьет с пути их деяний: Он поведет их и сохранит в порядке их состояние и введет их в рай, который Он дал им узнать» (Сура 47, 4-7).

Цель этой войны глобальна. В ней могут быть перемирия. Но конец ее может быть только одним: “Убивайте неверных до тех пор, пока не будет никакого искушения [то есть возможности отпадения неверных], покуда будет одно только это верослужение (или закон — ад-дин) Богу» (Сура 8. Добыча, 40). «Искушение» — это возможное сопротивление неверных законам ислама, возможная проповедь инаковерия среди мусульман... И тут нет противоречия между «войной до победного коргпац» и принципам «в деле религии нет принуждения». Ведь джихад ведется не ради того, чтобы обратить неприятелей в мусульман. Он ведется ради того, чтобы подчинить их законам ислама. А эти законы гласят, что «люди Писания» (зиммии: христиане и иудеи) могут спокойно следовать своим традициям в мусульманском государстве. Но при определенных ограничениях (запрет на миссионерство среди мусульман, запрет на службу в армии) и при условии уплаты особого налога.

Эта война в идеале подразумевает отсутствие пленных: “Ни одному пророку не предоставлялось брать пленных, покуда не производилось поголовного избиения на земле” (8,68).

Присмотримся к тому кораническому тексту, который нередко называют «завещанием Магомета» — 9-я сура.

«Обрадуй же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием, кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в

¹См. Кулаковский Ю. А. История Византии. т.2. Спб., 1996, сс. 134-135

чем пред вами его не нарушали и никому не помогали против вас! Завершите же договор до их срока: ведь Аллах любит богобоязненных! А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах — прощающий, милосердный! (9,3-5).

Вроде бы текст вполне мирный: избивать разрешается лишь предателей. Но причина-то той войны была в том, что Магомет начал навязывать арабским племенам свои порядки! Если под давлением силы некое племя заключило союз с Магометом и его группой, а затем решило вернуться к самостоятельной политике — тут их надо «радовать мучительным наказанием». Ну, а поскольку в политике постоянно пересматриваются бывшие обещания и договоренности (вспомним слова одного из британских премьеров: «у Англии нет постоянных союзников или постоянных врагов; у Англии есть постоянные интересы»), то ...

Вот что может стать поводом для «радости джихада»: «А если они нарушили свои клятвы после договора и поносили вашу религию, то сражайтесь с имамами неверия, — ведь нет клятв для них, — может быть, они удержатся!» (9,12), То есть меч считается нормальным ответом не на меч, а просто на критику!

Читаем «завещание Магомета» дальше. Речь о восставших неверных уже давно позади. Про них уже много стихов не поминается. И, значит, речь идет уже просто — о «неверных». «О вы, которые уверовали! Ведь многобожники — нечистота. Пусть же они не приближаются к мечети священной после этого года! Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в Последний день, не запрещает того, что запретили Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины, — из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» (9,28-29).

Стоит учесть, что «многобожниками» в Коране считаются отнюдь не только язычники: «И сказали иудеи: "Узайр — сын Аллаха". И сказали христиане: "Мессия — сын Аллаха". Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены! Они взяли своих книжников и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марйам. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества. Хвала Ему, превыше Он того, что они Ему придают в соучастники! Они хотят затушить свет Аллаха своими устами, но Аллах не допускает иного, как только завершить Свой свет,

хотя бы и ненавидели это многобожники» (9,30-32). Значит, нормы, касающиеся отношения к многобожникам, распространяются и на христиан¹, и на иудеев.

Так что усилие нужно не для того, чтобы выискать в Коране причины для желанной драки. Немалое истолковательное усилие нужно приложить для того, чтобы из чтения Корана сделать обратный, мирный вывод. И этого усилия сегодня явно не хватает в мире ислама.

Вместо этого идут дежурные отговорки. Заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России Мухаммад Биджи-улу выступая на заседании "круглого стола" в Госдуме, посвященного обсуждению вопросов совершенствования антитеррористического законодательства, обвинил журналистов в том, что они "по невежеству" навязывают обществу мнение о том, что террористы выступают от имени Ислама. "Не может быть религиозного терроризма, ведь никто не называет Чикатило православным людоедом"². Да, если мусульманами руководят люди с таким интеллектуальным и нравственным уровнем, то можно лишь выразить им свое сочувствие... Разве Чикатило, убивая людей, восклицал «Христос Воскресе»? Разве кто-то из христианских богословов высказывал ободрения его преступлениям? Разве он сам оправдывал свои деяния цитатами из Библии? Нет. Не надо путать преступления и террор. Не надо путать и войну и террор. Если лидеры ислама не видят даже проблемы исламского терроризма, не желают признавать даже такой термин, то они точно не смогут и решить проблему, существование которой они отрицают.

И еще не надо верить дежурной объяснялке (ее отчего—то очень любит ведущий «Эхо Москвы» Андрей Черкизов) что, мол, ислам активен и агрессивен оттого, что молод. Мол, подростковые шалости. Исламу всего 1400 лет от роду. Христианство в подобном возрасте тоже, мол, не было панинкой.

Это лишь видимость культурологии.

¹ "Неверны те (кафара), которые говорят, что Мессия, сын Марии есть Бог... Кто придумывает соучастников Богу, того Бог лишит рая, тому жилищем будет огонь: для беззаконников (лиль-зальмина) не будет защитников. Неверны те, которые говорят, что Бог есть третий в трех. Если они не отстанут от своих слов, то их, нечестивых (кафару) постигнет лютаая казнь" (5, 76-77). Отметим, что словом "нечестивые" (кафару) называются также и язычники.

² <http://islam.ru/press/rus/2004-09-24/#6005>

Во-первых, такой тезис унизителен для самих мусульман, ибо объявляет их «отсталыми». Вот, мол, потерпим, доразовьются они до нашего уровня цивилизованности и станут «тоже терпимыми».

Во-вторых, христианство долго шло к казням и войнам, творимым от имени Христа. Ислам с самого начала, с жизни самого Магомета не отделял одно от другого. Между Жертвой Христа и первой казнью во имя Его прошло три с половиной века. Первая казнь еретика православными приходится на 385 год. Еретик Прискиллиан был предан казни в Трире с шестью своими учениками. При этом «по всей Европе раздался громкий крик негодования. Из двух епископов, преследовавших Присциллия, один был прогнан со своей кафедры, а другой сам удалился на покой. Св. Мартин Турский, сделавший все возможное, чтобы помешать этому жестокому решению, отказался иметь общение не только с этими епископами, но и с теми, кто находился с ними в сношениях»¹. А св. Амвросий Медиоланский отлучил от церкви гонителя Прискиллиана — трирского тирана Максима².

Меч лежал у колыбели ислама. Отрицать это глупо. Лучше подумать о том, как этот меч притупить, а еще лучше — отбить религиозную охоту им пользоваться.

И тут еще одна причина ответственности всего мусульманского мира за своих подонков: изряднейшая часть мусульманского мира считает террористов не подонками, а героями.

Так что прав Юлий Ким:

*Ислам, ислам...
Как это нам ни горько,
Но ты в ответе за Беслан
И за кошмар Нью-Йорка.*

¹ Генри Чарльз Ли. История инквизиции в средние века. т.1. М., 1994. с.135-136.

² Также «св. Амвросий Медиоланский отказался от церковного общения с епископами — виновниками смертной казни еретиков... Протест Мартина и Амвросия нашел себе поддержку в лице римского епископа Сириция. Собор в Турине лишил Итация епископского сана» (Прокошев П. Прискиллиан и прискиллианисты (Церковно-исторический очерк) // Православный собеседник 1900, октябрь, приложение, сс. 25-26). Позднее св. Мартина все же понудили к восстановлению церковного общения с епископом Итацием, настоявшим на казни Прискиллиана. И затем «св. Мартин Турский не однажды оплакивал то, что чрез это вынужденное обстоятельством соединение с итацианами он утратил много духовных сил и уже не так легко и скоро врачевал бесноватых» (Цит. по: Прокошев П. Прискиллиан и прискиллианисты (Церковно-исторический очерк) // Православный собеседник 1900, октябрь, приложение, с. 25).

Мир ислама ответственен за исламский терроризм — хотя бы тем, что отказывается увидеть эту свою ответственность.

В итальянской газете *La Stampa* об этом с горечью писал отнюдь не итальянец, а мусульманин — Ибрахим Рефат: «Эхо бесланской трагедии едва доходит до арабского мира. Его почти не слышно. Известие об ужасающем количестве жертв ушло с первых полос газет и занимает лишь второе место в выпусках новостей после традиционных сюжетов о церемониях в королевских дворцах. Вопреки тому, что происходит в Европе, события, как эта бойня в Беслане, не очень будоражат сознание масс. Конечно, были кое-какие критические выступления, например шейха Аль-Азхара, лидера суннитов, который в пятницу обвинил террористов в том, что они используют ислам в качестве прикрытия. И все же исламские теологи в последние дни больше были заняты изданием фетв на тему: можно или нельзя убивать западных заложников в Ираке. В арабском и исламском мире большинство по-прежнему отказывается задуматься и проанализировать произошедшее. Единственным интеллектуалом, который порвал круговую поруку, был директор канала *Al Arabiya* Абдель Рахман ар-Рашид. В статье в издающейся в Лондоне арабской газете *Al-Sharq al-Awsat* он выступил с повинной: "Давайте скажем горькую правду: все террористы в мире — мусульмане. Мы, мусульмане, не сможем обелить наш имидж, если не признаем этот постыдный факт". Однако такие слова уходят в пустоту, потому что арабские лидеры никогда не признают, так же как никогда не признает исламское духовенство и сами интеллектуалы, что зло заключается в фанатизме, который разъедает арабское общество. Элита, до сих пор отрицающая, что 11 сентября устроили арабы, не может этого сделать. И, следовательно, не признают это и простые обыватели ближневосточных городов, свыкшиеся с проявлениями насилия, которое налагает отпечаток на их повседневную жизнь. Разум этих людей уже пропитан бредовыми речами имамов, которые призывают отвергнуть "другого", немусульманина, называя его просто "неверный", "кафир". А ближневосточные СМИ, включая государственные, в свою очередь, способствовали расширению масштабов этого этноцентризма, изображая злоключения арабов и мусульман как единственную форму несправедливости на этой земле. По их мнению, жертвы живут только в Палестине, Ираке, Кашмире, Чечне. А палачи, подстрекаемые "сионистами", живут только на Западе»¹.

¹Ибрахим Рефат. Большинство арабов безразличны к осетинской трагедии. <http://www.inopressa.ru/lastampa/2004/09/07/12:57:00/arab>

Да, сегодня почти «все террористы — мусульмане» (сегодня; еще 10 лет назад это было не так), но все же не все мусульмане — террористы. И об этом тоже не стоит забывать. Как и том, что среди детей, погибших в бесланской школе, было немало мусульман. Оттого и на «школьном кладбище» соседствуют кресты и столбы. С точки зрения террористов бесланские дети были плохими мусульманами — не-ваххабитами (ваххабизм объявляет «неверными» мусульман иных толков).

Ваххабиты в исламе — то же, что баптисты в христианской истории. Баптизм появился через 1600 лет после начала христианской проповеди. Ваххабизм от времени жизни Пророка отделен расстоянием в 1100 лет. Оба течения начали свою историю с весьма резкого, даже оскорбительного обличения массы своих единоверцев: баптисты критиковали католиков и лютеран; ваххабиты — обычных суннитов и шиитов. Баптисты обвинили в идолопоклонничестве (язычестве) традиционных христиан. Ваххабиты термин, который Коран прилагает к язычникам — ширк — приложили к традиционным мусульманам (у которых был культ святых, дервишей, гробниц праведников, святых источников и т.п.). И баптисты и ваххабиты вошли в мир с лозунгом “вернуться к Писанию” и отринуть позднейшие человеческие предания. В общем — и те и другие в общем-то маргиналы, но и те и другие в конце концов подчинили себе самые влиятельные государства в своих мирах: в исламском мире — Саудовскую Аравию; в христианском мире — США. Подчеркиваю: речь идет о сходстве некоторых особенностей их исторических путей, но я не говорю, будто этика баптистов тождественна этике воинствующих ваххабитов (хотя у американских баптистов XVIII-XIX веков было искушение объявить войну с индейцами религиозной).

Острие ваххабизма направлено, прежде всего, против мусульман. Посмотрите, все страны, где устраивают конфликты ваххабиты — населены преимущественно мусульманами.

В 1801 году войска ваххабитов под командованием Са‘уда напали на Ирак. Они захватили г. Карбелла и убили всех его жителей. Только небольшое их число спаслось бегством. Ваххабиты разрушили могилу Хусейна внука Пророка.

В 1802 году отряд ваххабитов напал на город Тайф, который находится вблизи Мекки, на расстоянии 70-80 км. После трехдневной осады ваххабиты захватили этот город и вырезали все его население. Заходя в мечети, они убивали там даже тех, кого застали за молитвой. Младенцев резали на груди матерей, а тех, кто пытался убежать, они догоняли и убивали. По приказу

руководителя этого отряда Усмана Музайяфи ваххабиты полностью разрушили гробницу известного в исламском мире сподвижника Пророка Ибн Аббаса. Тем, кто укрылся в укреплении, они пообещали не трогать их, при условии, если они сдадутся. Но после того как те сдались, ваххабиты казнили всех, объявив, что с многобожниками (мушриками) не может быть никаких договоров. В крепости Зави Иса 50 мусульман держали оборону. Их также коварно обманули обещаниями не трогать в случае сдачи крепости. Когда же те сдались, их повели в ущелье Важжун и, раздев догола, держали там в течение 13 дней. Голодом и пытками их заставили принять ваххабизм.

В 1804 году ваххабиты окружили Мекку. В течение года они перекрыли все пути к городу. Разразился голод. И хотя защитникам города пришлось питаться травой, кошками и падалью, сдаваться они не собирались. В следующем 1805 г., увеличив свое войско до 30000 человек, ваххабиты еще больше усилили натиск. Много людей погибло от голода. На улицах лежали трупы детей. Мекка сдалась.

В 1806 г. ваххабиты захватили Медину. В 1810 г. войско ваххабитов под командованием сына Сауда Абдуллы совершило нападение на Сирию. Захватив города Хаврона, ваххабиты истребили много людей, не щадя ни детей, ни стариков, угоняли в плен женщин, сжигали хутора и селения¹.

Прошло 200 лет. Отношение ваххабитов к мусульманам других направлений не изменилось. «В ходе контртеррористических мероприятий в конце мая с.г. были арестованы несколько улемов — Али аль-Худейр, Ахмад аль-Халиди, Насир аль-Фахд. В саудовских СМИ их называют "такфиритская троица" (салюс такфири), потому что они в своих фетвах объявляли "неверными" (это называется такфир) своих единоверцев, которые в чем-то отклонились от того, что эта "троица" считает истинным исламом. А против "неверных" (то есть подвергнутых такфиру мусульман, а также всех немусульман — христиан, иудеев и т.д.), утверждали они, обязателен вооруженный джихад»². Этот свой «джихад» замечу, эти улемы вели на территории Саудовской Аравии, взрывая дома с иностранцами и не считаясь с жертвами среди арабского обслуживающего персонала.

Впрочем, если во взорванном доме был житель-ваххабит, это тоже может не остановить его единоверцев: он тоже будет считаться шахидом, хотя и

¹ Эти сведения сообщил мусульманский участник моего форума <http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=33083>

² Игнатенко А. Миссия невыполнима? Власти Саудовской Аравии начали бороться против религиозного экстремизма // Независимая газета 18.06.2003

не ждал своей смерти этой ночью. Ведь «к числу шахидов относятся 8 категорий людей: умершие от чумы, болезней живота, воспаления легких, при родах, погибшие на пожаре, утонувшие, погребенные под развалинами рухнувших зданий, павшие за веру»¹.

Фанатизм и нечувствие к чужой беде — болезнь исламского мира. Но эта его болезнь оборачивается болью для нас, его соседей по планете (да уже и по улице). Поэтому и приходится нам пробуждать чувство сопричастности, вины и ответственности в мусульманах. Не в терроризме виноват ислам, а в том, что недостаточно яростно защищает свою святыню — Коран — от фанатичных перетолкований.

И еще одна вина исламского мира — в том, что он позволяет использовать себя. Мало сказать, что в исламских университетах ковалась идеология «Аль-Каеды». Заказ-то на эту «ковку» поступил из региона, от которого Ближний Восток весьма удален. А потому можно сколько угодно долбать ракетами по афганским пещерам, иракским домам и чеченским лесам, но мозг, управляющий исламским терроризмом, это нисколько не затронет — по той причине, что этот мозг находится за пределами исламского мира. Я убежден, что стратегическое планирование терактов, совершаемых от имени ислама, совершается в западном мире.

Силы, равно ненавидящие и мусульман и христиан, пробуют сравить нас друг с другом. Нет, не думайте, что я сейчас заведу речь о евреях. Говорить о том, что Израиль контролирует исламский терроризм, допустимо только в сумасшедшем доме. Речь идет об архитекторах «нового мирового порядка».

«Новый мировой порядок» — это удивительное сочетание неслыханной ранее свободы и неслыханного ранее контроля. В истории бывали островки вольницы и ледники тирании. Но чтобы и то другое сосуществовало одновременно и применительно к одним и тем же людям — такого еще не было. Новый мир глобализации предоставляет людям абсолютную свободу в передвижении, в смене работы, в бизнесе, в выборе мировоззрения, в определении собственного стиля жизни. Есть знаменитая цитата Жака Аттали, который был в начале 90-х годов президентом Всемирного банка, сказавшего, что общество будущего — это общество номадов (кочевников), т.е. людей, которые не связаны ни семейными, ни религиозными, ни профессиональными привязанностями, ни корнями, но, как и деньги, свободно перемещаются туда, где это выгоднее, не имея никаких пристрастий.

¹Сахи́х аль-Бухари. Мухтасар. Полный вариант. М., 2003, с. 466.

Но все это в сочетании с абсолютным же контролем за каждым твоим шагом и с установлением неотвратимой ответственности за неверные шаги. Миллионы видеокамер наружного наблюдения, постоянный электронный учет каждой покупки и каждого передвижения, отслеживание телефонных разговоров, электронной почты и контактов превращает всех жителей «цивилизованных стран» в пожизненных участников «реалити—шоу».

Этот поворот означает отход от той идеологии, которая вела западный мир последние три столетия. Идеология Просвещения и либерализма утверждала, что права человека выше всего. Под лозунгом "борьбы за индивидуальную свободу" разрушалось все сверхиндивидуальное. Этим тараном были снесены опоры христианского общества. Поэтапность действий нам хорошо знакома: «Весь мир насилья мы разрушим, а затем мы наш, мы новый мир построим...». После замены прежних конструкций наступает пора подумать о фиксации и увековечивании новых.

Когда люди всерьез укрепляются у власти, тогда у них начинают меняться некоторые представления. Я помню, как летом 1993 года шли столкновения красных демонстрантов — пенсионеров и ветеранов, ограбленных Гайдаром и Чубайсом — с ельцинскими омоновцами. Зашел я тогда в "Московские новости" к знакомому редактору, и по ходу беседы он говорит мне: "Скажи, ты бываешь в воинских частях, с офицерами встречаешься, какие у них настроения?" — "Антиельцинские настроения". Секундное молчание — и вывод: "А ты знаешь, мы все-таки неправильно раньше настаивали на введении в законодательство понятия «преступный приказ». Все-таки мы были неправы. Я все же думаю, что офицеры и солдаты должны выполнять любой приказ! И если приказывают стрелять в толпу — они должны это делать!». Это было летом 1993, и все мы помним, чем это кончилось в октябре...

Сегодня, мне кажется, подобная переориентация происходит в глобальном масштабе. Люди, которые пришли к власти под лозунгами "прав человека", сегодня осуществляют поворот в другую сторону: свою наконец-то обретенную власть надо "зацементировать", увековечить. А чтобы увековечить власть новых «ценностей» и элит, надо выбить из людей тот дух диссидентства, который прежде эти самые новые элиты и насаждали в массах. Как же убедить западного обывателя отказаться от столь возлюбленной им личной свободы? Надо среди его прав выделить самое главное право — «право на жизнь». И пояснить, что именно этот «король» оказался под вечным шахом. А, значит, пришла пора приносить жертвы. Чтобы человек почувствовал угрозу своей жизни — эта угроза должна подышать ему в лицо. Для этого надо ее создать и предъявить миру.

И когда страх начинает пронизывать все поры общества, тогда можно сказать: "Люди, мы можем вас спасти! Но, для этого позвольте надеть на всех вас ошейники!".

В 80-е годы это делалось с помощью мифа о всемогущей наркомафии: электронные кредитные карточки нужно вводить вместо денег, чтобы не было "черной наличности", которую потом самолетами увозят наркобароны в Латинскую Америку. А в 90-е годы образ врага сменился: теперь это не наркобароны из Латинской Америки, а исламские террористы. Ну, а вывод все равно тот же самый: все равно, давайте избавляться от наличных денег, давайте жить под видеокамерами, давайте прекратимся в легко наблюдаемые (а впоследствии — в легко и управляемые) объекты.

Угроза из Колумбии заменена на угрозу из Аравии. Угроза экстраординарная — и меры для ее устранения должны быть необычными: раз враг может оказаться везде и врагом может стать любой, то нужна тотальная слежка за всеми.

Так что среди грехов мусульманских террористов есть еще и грех слепоты: они не заметили, в чьих руках они стали марионетками.

Прошу отметить модальность моей речи: я говорю об этом не как о факте, а как о моем ощущении. Доказательств этому тезису у меня нет. Кроме, пожалуй, одного: отсутствие терактов в США после 11 сентября 2001 года. Именно США (и их верный союзник Британия) более всего досаждают исламскому миру. Значит, именно туда и должны были бы быть направлены стрелы ответного гнева. Но нет — за морем все спокойно. Скажете, это из-за того, что у них бдительность на высоте? Ну, в Израиле бдительность еще выше, а автобусные остановки взрываются там регулярно. А в той же Британии активисты движения «Отцы за права» с поразительной легкостью в сентябре 2004 года проникали в суперохраняемые здания — в парламент или в Букингемский дворец и устраивали там свои акции протеста. Так что нулевой счет терактам в США и Англии объясняется не хорошей защитой, а отсутствием нападения. Верю, что в Белый дом попасть труднее, чем в российскую школу. Но магазины и автобусные остановки охраняются в США вряд ли лучше. Чем в России. Но взрывов нет...¹. Странная тишина.

¹ На меня за эти мои слова погрозили даже настучать самому Бушу: «высказывания отдельных российских политиков и общественных деятелей, пытающихся доказать участие западных и в первую очередь американских спецслужб в организации теракта в Беслане, превосходят по безумию не только "Вашингтон пост", но и газету "Правда" советских времен. Так, со страниц одной из наиболее уважаемых и влиятельных газет — "Известия", диакон Андрей Кураев прямо заявляет об этом, причем для доказательства "руки США" приводит факт практического отсут-

А вот Россию медленно, но верно превращают в прифронтовое государство, защищающее встревоженную Европу от растревоженного исламского мира¹. И президент уже произнес это слово: «война». А на войне как на войне: на войне не бывает атеистов. Что бы ни замышляли архитекторы «нового порядка», у Бога свой план. И может быть Россия, которая в 90-е годы выбор между тележвачкой и верой сделала в пользу жвачки, теперь, в военных условиях, все же поймет необходимость обретения веры.

ствия там терактов за последние три года. Мне трудно проследить здесь какую-то логику, так как по наивности предполагал, что отсутствие терактов — результат четкой работы американских спецслужб и, не в последнюю очередь, низкий уровень коррупции тамошних правоохранительных органов. Понятно, что если Бушу или Кондолизе Райс положить на стол подборку подобных высказываний, то это вряд ли поможет нашему общему делу» (Эдуард Лозанский, комитет "Русские американцы за Буша <http://www.izvestia.ru/world/article431425>).

¹А еще отмечу, что по свидетельству посла России в Германии (интервью показано в утренних «Новостях» первого телеканала 7 сентября), в немецкой прессе из волны терактов в России делают вывод, что Россия уже не в состоянии самостоятельно обеспечить контроль над своей территорией. Кажется, нам готовы оказать не только гуманитарную помощь. НАТО не прочь «помочь» нам установить контроль над нашей же страной.

Бог и боль

Опубликовано в газете «Трибуна» 5 сентября 2004 года.

В гостях у «Трибуны» — профессор Московской духовной академии
диакон Андрей Кураев

— *Архиепископ Кентербейский Роуэн Уильямс, глава англиканской церкви, сказал, что трагедия в Беслане заставила его «на мгновение усомниться в существовании Бога». Помнится, такие же мысли высказывали свидетели спитакской трагедии в Армении. Невозможно принять страдание и смерть безвинных детей.*

— Это высказывание не должно так уж шокировать людей, которые хотя бы немного знают историю христианской мысли и мистики. В Ветхом Завете пророки нередко дерзят Богу: «Господи, где Ты? Ты уснул, проснись, восстани, Господи!». И христианские святые — скажем, святитель Григорий Богослов, а затем и преподобный Феодор Студит, — в минуты самых тяжелых церковных и национальных кризисов цитировали евангельские слова: «Христос спит» (в Евангелии и в самом деле повествуется, что во время бури на Генисаретском озере Христос спал и перепуганные апостолы Его будили). Так что если человек испуганно озирается и вдруг восклицает: «Где же Ты, Господи!» — то это не есть какая-то антихристианская или атеистическая интонация. Крик к Богу, ощущение ужаса от того, что ты не чувствуешь Господа рядом с собой — это, напротив, выражение живых отношений с Богом.

Что же касается веры в Бога в минуту страдания... Вы знаете, если бы подобная трагедия произошла в мусульманской школе, то мусульманским богословам ее было бы труднее объяснить. А когда такое происходит с нашими детьми, то на вопрос — «Господи, где Ты был, когда они страдали в Беслане?», мы говорим: «Наш Христос был там же». Потому что для христиан Христос — не просто всеблагой дух, витающий где-то за пределами космоса. Это Бог, который стал человеком и принял полную меру человеческой скорби даже раньше, чем мы. Он сам прошел через предательство и распятие.

— *В таком случае, можно ли усматривать в этих трагических событиях некий Промысл Божий?*

— Один из заложников рассказал, что когда бандит вдавил дулом автомата в его тело крестик и потребовал прославить Аллаха, то мальчик крикнул «Христос воскрес!». По его рассказу, в этот момент и произошли эти страшные взрывы, обрушилась стена рядом с ними, взрывной волной террорист был отброшен, а Саша первым из всех выпрыгнул в окно и побежал, и следом за ним — остальные дети. Возможно, не будь этих взрывов, все кончилось бы гораздо хуже.

Я понимаю невероятность ситуации, в которой оказался наш Президент, и так заплеванной и заклеванной после того, как силовым путем и с жертвами была разрешена ситуация в Москве, на Дубровке. Поэтому при повторном кризисе был большой риск того, что российская власть могла пойти на поводу у бандитов и капитулировать. Что, собственно говоря, Аушев и обещал террористам в ходе переговоров с ними. Я убежден, что это было бы худшим из всех исходов, с последующим развалом страны и еще большими жертвами. Потому что те, кто объявил нам войну — это хищники. Когда идешь им на уступки, они, чувствуя слабость, усиливают свое давление. Требовать уступок от уступающих можно до бесконечности.

Так что таинственные взрывы, которые дали свободу Саше, одновременно избавили нас от капитуляции. Для меня это тоже Промысл Божий.

Впрочем, я говорю на слишком старом языке. Чтобы понять — кто пришел в Беслан, достаточно вспомнить одно слово, совсем недавно вошедшее в наш язык. Это — орки. Договариваться с орками невозможно.

— *Расчет тех, кто послал это зверье в Осетию был ясен: посеять межнациональную и межрелигиозную рознь, взорвать Северный Кавказ. Как вы считаете, их цель достигнута?*

— Трудно сказать. С одной стороны, осетины — это не сегодняшние русские. Это кавказцы. Детей убивали на глазах у отцов. После этого убедить осетинских мужчин не взяться за оружие и не идти мстить бандитам и их родне по законам кавказской кровной мести — это, конечно, сверхзадача. С другой стороны — они христиане. Что возьмет верх?

А плюс к этому есть и некая сложность местной церковной жизни. На Северном Кавказе сейчас замечательный епископ — Феофан. Это человек, имеющий богатейший в нашей Церкви опыт работы и жизни в мусульманских странах. Перед тем, как возглавить Ставропольскую епархию, он был несколько десятков лет представителем Патриарха Московского при православных Патриархах на Ближнем Востоке и в Африке. Но все-таки на

Кавказе он только год. Епархия ему досталась огромная, сложная, многоукладная. И я даже не знаю, бывал ли в Беслане владыка Феофан до этих событий. Насколько доверительные отношения у него с местной паствой? Послушают ли осетины голос русского епископа, которого они, может быть, еще не успели узнать и полюбить? Послание владыки Феофана к осетинской пастве по поводу событий в Беслане начинается так: «Дорогая моя, возлюбленная осетинская паства». То, что он с любовью относится к осетинским христианам, для меня вне сомнений, Но есть ли ответная любовь? Сформировалась ли она? Есть ли готовность прислушаться к голосу русского архипастыря в этих условиях? Надеюсь, что за три дня горя появилось то, что не могло бы вырасти и за год. Владыка Феофан был в Беслане в те дни. Я видел фотографии, где он отдает свою машину для перевозки раненого мальчика...

В общем — в Осетии сейчас на весах его христианское слово против гнева и некоторых местных традиций¹.

— *Кому нужно сделать главный оргвывод из произошедших событий?*

— Конечно же, самой Москве. Необходимо менять сознание и властей, и прессы и общества. Капитулянтская политика и жизнь по принципу — «лишь бы не было войны» — в нынешних условиях ведет в тупик. Надо осознать, что сегодня Россия просто возвращается в нормальное русло своей истории. Война для нее была печальной обыденностью. За нашу тысячелетнюю историю в среднем интервал между войнами был не более трех-четырёх лет. Это означает, что каждый мужчина хотя бы потенциально должен ощущать себя воином, а каждая мать должна понимать, что когда она растит сыновей, то делает это не для того, чтобы они всегда оставались рядом с ней. Без такого осознания и воспитания мы очень скоро станем рабами.

— *Каких конкретных шагов от власти сейчас ждут священнослужители, православная общественность?*

¹ «Нового конфликта с ингушами осетины не хотят. И все же потихоньку вооружаются. «Кто знает, что будет через время, — задумчиво сказал нам один сотрудник республиканской прокуратуры. — Вон Виталий Калоев год ждал, пока накажут виновных в той авиакатастрофе над Германией. А потом поехал и отомстил за жену и детей. Если и сейчас крайним окажется только единственный уцелевший боевик, осетины сами начнут искать убийц своих детей и жен...»» (Кузнецова Т. Город ангелов // Аргументы и факты. 15 сентября 2004 г. http://aif.ru/online/aif/1246/07_01)

— Попробуйте посмотреть на наше телевидение глазами мусульман: проповедь язычества (бесконечные гороскопы, целители, маги), показ разврата, бездумный культ богатства и развлечений. Верующий мусульманин на федеральных телеканалах не находит того, что дорого его сердцу. А, значит, он будет всеми силами ограждать своих детей от того, что льется с наших телеэкранов. И источник такого телевещания — Останкино и Москва будут в его сознании врагом.

— *А православные?*

— Православным деваться некуда. Одуревшая или нет, но все равно это наша Родина. У мусульман такого отождествления своих путей с Москвой и Россией нет. Московское телевидение провоцирует у верующего мусульманина горячее желание отключиться от него как от некоего врага, который проникает в дом и крадет души его детей. Отсюда — желание отгородиться от Москвы.

— *А какая здесь связь с терроризмом?*

— Любая партизанская война невозможна без поддержки населения. Я не сотрудник спецслужб и потому не могу решать вопрос, как силовыми усилиями вычищать террористов. Этот вопрос не в моей компетенции. Я говорю о том, что психологическая база, в которой может гнездиться хотя бы частичное сочувствие боевикам, должна быть максимально сужена.

— *Значит, надо начинать с телевидения?*

— Да, зачищать надо не Ведено, а Останкино. Нужна нравственная цензура. Ради жизни наших детей, ради будущего страны надо ограничить свои хотелки и «свободы». Кроме того, давно пора создать федеральный мусульманский телеканал. Конечно же, наряду с этим, необходим и православный телеканал.

— *Вы предлагаете государственную пропаганду ислама, но все террористы заявляют, что они — правоверные мусульмане, воины Аллаха...*

— Войны 21 века носят прежде всего информационный характер. Нельзя отдать экстремистам монополию речи от имени ислама. Мир ислама сложен. Лидеры российских мусульман занимают корректные, гуманистические позиции. Но перекроет ли их голос голоса саудитских, иракских или египетских «богословов», которые гораздо легче отождествить с голосом традиционного мусульманского мира? Вот тут и необходимо задействовать государственный ресурс, а именно — телевидение и преподавание в школах

«Основ исламской культуры» (наряду, естественно, с «Основами православной культуры»).

— *Но есть и другая сторона медали. Многие русские люди выступают против того, чтобы в их городах строились мечети. И их боязнь, в общем-то, обоснована. Они боятся, как бы их край не превратился в Косово.*

— Я эти страхи не разделяю. Мы превратимся в Косово не из за того, что в русских городах построят мечети, а потому, что русские дома пустеют. Если вы не хотите превратиться в Косово, то, дорогие мои, отключитесь от телевизора, от погони за все более высоким материальным уровнем жизни и озаботьтесь тем, чтобы в России было больше русских детей. Это единственный путь противостояния. И даже не противостояния, а просто выживания. Сейчас по статистике в городских русских семьях — 1,2 ребенка на семью. А для нормального воспроизводства необходимо 2,3 ребенка! Не мусульмане выдавливают русских из России. Мы сами — худшие враги своих внуков, которым мы даже не даем шанса родиться. Россию убивает мерзкая присказка — «Зачем нищету плодить!». У барда Тимура Шаова есть песня о перспективах нашего «государственного строительства»: «Это что за остановка — Византия или Рим? — А с платформы отвечают: «Ви-хади, пагаварим!».

— *Президент в своем обращении призвал нас к объединению для отпора террористам. И в то же время разобщенность народа очень велика, в первую очередь социальная. Как можно объединить олигархов и простых людей, живущих на жалкую зарплату?*

— Возможность объединиться есть. Одну из них я уже назвал — если олигархи свое влияние на СМИ и телевидение обратят во благо. 15 лет телевидение опускает своих зрителей. Пора бы снова работать на повышение интеллектуальной и нравственной планки телеаудитории.

— *Но в нашей стране пропасть между богатыми и бедными просто огромная. Здесь можно вспомнить недавнюю историю Латинской Америки, где именно иерархи Католической церкви возглавили движение против социального неравенства и в защиту бедных. Почему в этом плане так пассивны наши иерархи?*

— Да, была в Латинской Америке так называемая «теология освобождения». Но я думаю, что в России этот вариант не годится. Нам слишком памятен свой опыт реального социализма. И поэтому мы знаем, что бого-

словски заигрывать с социализмом весьма опасно. К тому же не будем путать статус Католической церкви в Латинской Америке и Православной — в России. Одно дело, когда религиозность для всех слоев общества — и верхов, и низов — естественна. В этом случае Церковь может обращаться и к тем, и к другим. Другое дело — наше общество, в котором, с одной стороны — элита, ориентированная на Запад и ненавидящая все русское и православное, а с другой стороны — советский люмпен, который тоже знать не знает Православной Руси и мечтает о Советском Союзе. Назовите мне хоть один вопрос, по которому наше общество прислушалось бы к мнению Церкви. Аборты? Порнография в школах и на телевидении? Культ наживы? Как можно обращаться к атеистам во имя Христа с призывом, чтобы они от какого-нибудь удовольствия отказались? Надо сначала к ним весть о Христе принести.

Беслан — не порождение ислама

Марат ТАЖИН, заместитель руководителя аппарата Президента Республики Казахстан. "Казахстанская правда", 18 сентября 2004 г. ¹

16 сентября 2004 года газета "Известия" опубликовала статью диакона Андрея Кураева, профессора Московской духовной академии, "Как относиться к исламу после Беслана?". Статья, безусловно, интересная и в какой-то мере программная... Но очень спорная и выходящая далеко за пределы трагедии Беслана. Если бы это был религиозный вестник или научное издание, наверное, не было бы этого комментария. Однако массовая газета с респектабельным имиджем, публикуя этот материал, очевидно, рассчитывала на определенный отклик. Полагаю, что такие проблемные статьи не должны оставаться без соответствующего резонанса.

Само название, связывающее бесланскую трагедию с исламом как религией, некорректно. Начнем с того, что среди жертв террора были и мусульмане. Продолжим тем, что все мусульманские общины и крупнейшие авторитеты исламской теологии осудили этот варварский акт. И закончим тем, что никакой религиозной подоплеки в бесланской трагедии нет. И корни, и непосредственные причины этого кошмара лежат в плоскости политической, а называя вещи своими именами, в том колоссальном вызове цивилизации,

¹<http://www.kazpravda.kz/?lang=rus&uin=1090225112&chapter=109548069>

который именуют международным терроризмом. Кстати, таковы оценки и российского руководства.

В минуты печали, на фоне тяжелейшей психологической катастрофы родственников и близких, категорически нельзя даже на лексическом уровне соединять жертвы с религиозной принадлежностью. Приводимые в статье слова патриарха Алексия абсолютно верны: "Сбросив все маски, терроризм явил свое сатанинское лицо, поправ все святое". Именно так, сатанинское лицо терроризма, но не ислама. Ибо кощунственно было бы сказать иначе.

Рассуждения о том, что римляне раз за разом проигрывали битвы арабам из-за большей религиозности последних, не выдерживают критики по двум причинам. Во-первых, в X веке никаких римлян в строгом смысле слова не было, а Византия в этническом и геополитическом смысле не была Римом. Во-вторых, успехи арабов были детерминированы более передовой военной тактикой, более высоким техническим уровнем и тем, что именуется началом арабского Ренессанса — колоссальным научным и культурным оживлением Арабского Востока в ту историческую эпоху. И попытка выдать мнение византийского императора Никифора Фоки за модель интерпретации как покрытых патиной времени, так и современных событий может объясняться только эмоциональным запалом высокоэрудированного автора. Опасность этих интеллектуальных мостиков в том, что они затемняют суть происходящего и не позволяют решать проблемы. Неужели можно всерьез полагать, что появление своего рода православных шахидов есть решение проблемы? И когда автор обвиняет мусульман в том, что они недостаточно яростно защищают свою святыню Коран, наряду с неудобством за автора, вторгающегося в иную сакральную жизнь, возникает другой вопрос. Ведь проповедь ненасилия и терпимости, которую исповедует православие наряду с другими мировыми религиями, и есть настоящий путь к Богу, настоящая дорога к храму, которая, несмотря на все искушения и соблазны, вернее и надежнее, нежели эмоционально мотивированный, но разумом не осмысленный путь фанатической жертвенности.

Автор совершенно серьезно восклицает: "Ну кто бы мог подумать, что в начале XXI века судьба человечества окажется в руках богословов?", имея в виду при этом, что в исламском мире общиной руководят ученые-теологи. Возникает ответный вопрос: "Неужели можно быть столь наивным в начале XXI века?". Судьбы мира определяются экономическими и геополитическими интересами десятка крупнейших глобальных и региональных держав, двумя сотнями крупнейших транснациональных корпораций, рядом влиятельных космополитических финансовых, медийных и политических группировок, ко-

торым не до религиозных схваток. Борьба идет за вполне земные ресурсы и вполне ясные перспективы. Тому, кто не видит этого, трудно что-либо доказать. Если человек находится в плену собственных аксиом, тому жизнь рано или поздно преподносит нелюбезный урок. Видеть в исламских теологах вершителей судеб современного мира, причем злобных вершителей, это тупиковый путь в никуда. Впрочем, это никуда имеет свой inferнальный контекст — адское многостороннее побоище религиозных фанатиков.

Один тезис Кураева звучит особенно задиристо; "...телеинъекции на тему "У терроризма нет национальности и религии" ... просто глупы", и далее: "Может быть, терроризм — это следствие искаженного понимания Корана. Но ведь именно Корана, а не книги о Винни-Пухе". Вот здесь согласиться нельзя и по духу и по букве.

Когда человек вторгается в чужую профессиональную сферу, его неизбежно ожидают ляпсусы. Терроризм не имеет религиозных корней ни в своей истории, ни в своей современности. Политический терроризм как целостное и идеологически артикулированное явление возник в девятнадцатом веке. Убийство царских чиновников, завершившееся в начале двадцатого века гибелью одной из самых ярких фигур российской истории, действительно великого русского Петра Аркадьевича Столыпина, было ветвью российского революционаризма, а не особенностью менталитета православных или иудеев. Буйство европейских левых и правых во второй половине двадцатого века никто не называл христианским фундаментализмом. Латиноамериканский терроризм вместе с создателями теории "городской гверильи" никому на ум не пришло назвать особенностями католического сознания. Баскских террористов никто не упрекал в религиозном сепаратизме. Конфессионально окрашенный конфликт в Северной Ирландии никогда не доходил до того, чтобы обвинять основы протестантского или католического вероучения.

Если террористы имеют определенную национальную или религиозную принадлежность, это не означает, что та или иная нация или религия особенно склонна к терроризму. Именно в этом смысле терроризм не имеет национальной и религиозной принадлежности. Считать иначе — значит впасть не просто в социал-дарвинизм, но пускаться в сомнительный путь религиозной ненависти. Вообще все суждения Кураева на этот счет напоминают магические верования древних, которые всерьез полагали, что дождь вызывается молитвами, а поклонение тотему может вызвать удачную охоту. Магический реализм хорош в литературе, но ужасен в политике. Чтобы не впасть в очередную трагедию, нужен трезвый анализ причинно-следствен-

ных связей, а не озлобление сердца, которое можно понять, но нельзя принять.

Что касается современного терроризма, то все его слагаемые очень далеки от религии. Случайно или нет то, что международный терроризм стал необычайно мощной силой в конце прошлого века? Для любого специалиста ответ четкий — нет. Это вызвано понятными и земными, а не мистическими причинами.

Обращаясь к последним событиям на Северном Кавказе, необходимо ясно понимать, что нынешнее руководство России получило тяжелое историческое наследие, и корни его лежат в двадцатом, а не двадцать первом веке. Внешняя простота решения национального вопроса Сталиным и Берией в годы войны заложила основы той жесткой формы этнической мобилизации чеченского народа, которая видна и сегодня. Во-вторых, на волне псевдолиберальной эйфории во время распада СССР были нарушены механизмы управления очень нестандартно организованной структурой чеченского общества. В-третьих, попытки стабилизировать ситуацию в Чечне наталкиваются на сопротивление вполне реальных, экономически и политически обозначенных групп, а совсем не исламских теологов. Напомню то простое обстоятельство, что покойный Кадыров сам был раньше муфтием Чечни и, будучи правоверным мусульманином, никак не может быть обвинен в пособничестве террористам.

Самое интересное в том, что после гневных филиппик в адрес ислама и патетических восклицаний о том, что судьба мира отныне в руках мусульманских теологов, Кураев делает прямо противоречащий своему пафосу вывод. Оказывается, "...мозг, управляющий исламским терроризмом, находится далеко за пределами исламского мира. Я убежден, что стратегическое планирование терактов, совершаемых от имени ислама, совершается в западном мире". Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. То злоецие Сауроны ислама вертят колечко мироздания, то, оказывается, какой-то еще более страшный зверь на горизонте замаячил. Имя этого зверя — либерализм и глобализм. В интеллигентном обществе на такие инвективы говорят: "Это уже слишком".

У каждого живущего своим, а не заемным умом человека либерализм не вызывает эйфории. Но приписывать либерализму столь смертные грехи, по крайней мере, неумно. Та колоссальная революция сознания, которая произошла на Западе на протяжении XVII-XIX веков, была отражением ряда процессов. И не в последнюю очередь — религиозных поисков. Та спасительная тревога, что была встроена в этический кодекс протестантизма, во

многим predetermined духовное отношение к мощным экономическим, технологическим, географическим и политическим сдвигам, что происходили столетиями. Конечно, современный историк вряд ли согласится с сильной версией веберовского тезиса о прямом воздействии этики протестантизма на дух капитализма, но со слабой формой этого тезиса согласны многие специалисты. А именно в том, что религиозная этика этой ветви христианства вполне корреспондировала с идеологией земного успеха и земного доказательства своей богоизбранности. При этом мотивируя людей на трудовую этику, экономность, индивидуальный успех и т. д.

Конечно, главной причиной изменения сознания большого Запада стали несколько технологических революций, массовое образование, новые средства коммуникации, изменение политических систем и политической культуры. Но отрицать религиозную составляющую в этих изменениях нельзя. Либерализм стал одним из великих культурных достояний человечества, открыл огромный простор развитию человеческой свободы. И предавать архаической анафеме ценности либерализма просто непродуктивно. С другой стороны, видеть в либерализме единственную альтернативу всему спектру политических доктрин — значит пускаться в ошибку, не достойную уровня студента-первокурсника. Ведь очевидно, что философия политического консерватизма или социал-демократические доктрины не менее влиятельны в западном мире. В конце концов, в мире доминирует сегодня политический консерватизм и социал-реформизм, а не либерализм в чистом виде. К тому же опыт последних десяти лет ясно показал ограничения либеральной доктрины в восточных обществах. И куда приведет политический транзит большой Восток — тема большая и неоднозначная.

Так что проводить логическую связь между либеральным доминированием и стратегическими планами использования терроризма — это наивные рассуждения на конспирологическую тему. Да, исторически получилось так, что геополитические балансы прошлой эпохи во многом вызвали к жизни современный терроризм. Но считать, что сегодня некие центры на Западе разрабатывают стратегию использования международного терроризма в своих целях, — слишком упрощенный взгляд на тему. Слишком опасное оружие, обоюдоострый меч и для пользователей и для проектировщиков.

Борьба с терроризмом требует ясного понимания причин, а не скольжения по эффектным поверхностям. Если не видеть причин, а пойти на поводу у упрощенных трактовок, выйти из этой сумеречной зоны не удастся. В мире, который именуется современностью, нет ни ночных, ни дневных дозо-

ров, нет ни плохих, ни хороших религий, нет террористических наций, так же как и наций-жертв. У терроризма иные истоки и причины.

Понятна боль, сквозящая в каждой строчке диакона Кураева, понятна скорбь, царящая в сердце каждого, кто видел эту беспримерную жестокость в отношении невинных детей со стороны нелюдей. Все люди независимо от нации и религии содрогнулись в душе, но утрата родных и близких невосполнима. И помочь людям в этих условиях можно только разумным словом и делом, а не ввергать несчастные и истерзанные души в ад нетерпимости и ксенофобии. Ислам и христианство, буддизм и иудаизм — это вершины человеческого духа. Слово Божье, звучащее на разных языках, не может быть осквернено ни террористами, ни лукавыми пастырями.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

1. „Само название, связывающее бесланскую трагедию с исламом как религией, некорректно. Начнем с того, что среди жертв террора были и мусульмане”.

Верно, но в глазах террористов-ваххабитов мусульмане других толков столь же „неверны”, как и язычники, и их верования именуются тем же уничижительным словом ширк.

2. «Все мусульманские общины и крупнейшие авторитеты исламской теологии осудили этот варварский акт».

Что значит «все мусульманские общины»? В том числе и та, в которую входит Басаев? Или он не мусульманин? По какому признаку тогда определять принадлежность к исламу? Насколько я помню, чтобы стать мусульманином, достаточно произнести формулу «Нет Бога кроме Аллаха и Магомет пророк Его». Неужели эту формулу отрицали террористы в Беслане? Неужели Коран они не считали откровением Всевышнего?

Их можно считать плохими мусульманами. Но это именно мусульмане. Знаете, когда в западном мире несколько лет назад шел сексуальный скандал, то католикам и в голову не приходило говорить, будто у них в семинариях преподают гомосексуалисты, «у которых нет национальности и религии», а не католики. Католическая церковь оказалась достаточно честна и мужественна, чтобы в этих грешниках признать своих людей, а, значит, в их грехе увидеть и свою вину. Увидеть — чтобы преодолеть.

У террористов нет религии? Но они несомненно и крепко верят в продолжение жизни после взрыва собственного тела. Они прославляют вполне определенного Бога (и это отнюдь не имя великого Вицли-Пуцли). А названия их организаций говорят о готовности воевать за ислам, а не за футбол.

И отчего-то в России, Казахстане или Узбекистане обнаруживают центры подготовки террористов — то отчего-то эти центры чаще оказываются связанными с мечетями и медресе (мусульманскими семинариями), чем с клубами служебного собаководства.

3. «И закончим тем, что никакой религиозной подоплеки в бесланской трагедии нет».

Закончим? Именно с этого я начал свою статью и привел пример именно религиозного требования террористов по отношению к христианскому мальчику. Конечно, главный мотив этого теракта лежит в области политики и национальных чувств. Но разве не возможна полимотивация поступка? Разве не возможно, чтобы у человека были несколько мотивов к принятию одного и того же решения? Например, у св. князя Александра Невского в его противостоянии крестоносцам было много мотивов, среди которых были и личные, и политические, но и религиозные — тоже.

Террористы же нуждаются в сверхмотивации для своей сверхжестокости и эту мотивацию они находят именно в своей религии.

4. Нет противоречия между тезисом об ответственности западных геополитиков с предыдущим утверждением об ответственности радикальных исламских проповедников за террор, вершимый от имени ислама. Стратегическое планирование — это одно, а тактическое и оперативное планирование и осуществление терактов — совсем другое. Кроме того, может быть внутренняя предрасположенность организма к определенной болезни и может быть попытка извне спровоцировать скорейшее развитие этой болезни. Поскольку Магомет пролагал путь своей вере мечом — мир ислама от рождения предрасположен к военному достижению своих целей. Это называется родовая травма. Ее можно не замечать. Можно ее заметить, чтобы потом от нее избавляться, а можно ее холить и лелеять. Но она все равно есть. И есть желающие ее использовать. Эти желающие есть внутри исламского мира (упоминаемые мною улемы) и есть за его границами. В общем, из наличия наркомафии в США не следует невозможность наркомании в СССР. И из вины крупного наркодельца не следует невиновность мелкого уличного торговца дурью. Чтобы человек согласился пойти на террористическое «шахид-

ство» — его сознание должно быть соответствующим образом обработано. И причем именно исламистской идеологией.

5. "Рассуждения о том, что римляне раз за разом проигрывали битвы арабам из-за большей религиозности последних, не выдерживают критики по двум причинам. Во-первых, в X веке никаких римлян в строгом смысле слова не было, а Византия в этническом и геополитическом смысле не была Римом".

Византийцы себя римлянами считали, а вот византийцами — нет. Так что при разговоре о психологии воюющих сторон вполне уместно говорить о римлянах Константинополя.

6. "Успехи арабов были детерминированы более передовой военной тактикой, более высоким техническим уровнем и тем, что именуется началом арабского Ренессанса".

Может быть, в чем-то арабы 10 века могли быть выше Западной Европы того времени, но не Восточной Римской Империи (Византии). Кроме того, одно дело мнение императора Никифора о том, что его армии недостаточно сильны, и другое дело реальное соотношение сил и культур. Вообще-то Никифору как раз удалось внести перелом: при нем у арабов были отвоеваны Кипр, Киликия и Сирия. всего более 100 городов (см. История Византии в 3 тт. т.2. М., 1967, с. 214). В последующие века угроза Византии исходила уже не от арабов, а от турок (сначала сельджуков, потом османов).

7. «Неужели можно всерьез полагать, что появление своего рода православных шахидов есть решение проблемы?».

Если под словом шахид имеются в виду террористы, то разве в моей статье есть призыв к чему-либо подобному? Если под словом шахид имеется в виду просто мученичество за веру, православии такая установка является традиционной. Но она не опасна для окружающих: это наша готовность приносить себя жертву за нашу веру, а не стремление приносить других в жертву своим ценностям. Вообще я в статье призывал принять не шахидскую догму, а антишахидскую. Напомню еще раз ее формулировку: безоружный человек, убитый религиозным террористом, становится наследником Царства Божия. Такая церковная проповедь для некоторых людей может стать решением некоторых их психологических проблем. В частности — такая вера поможет им пережить горе от потери ближнего.

8. "Проповедь ненасилия и терпимости, которую исповедует православие наряду с другими мировыми религиями, и есть настоящий путь к Богу".

Ну хотя бы раз кто из моих высокообразованных и терпимых оппонентов, берущихся рассуждать о терпимости как христианской добродетели, привел бы текст из Библии на эту тему. Ну нет ни в Библии в целом, ни в Евангелии, нет там слово "терпимость"! Терпимостью выложена дорога в бордель, а не к Богу.

И, простите, сказать, что покушавшийся на меня убийца говорил по чеченски или молился по арабски, не значит проявить "нетерпимость".

9. "Если террористы имеют определенную национальную или религиозную принадлежность, это не означает, что та или иная нация или религия особенно склонна к терроризму. Именно в этом смысле терроризм не имеет национальной и религиозной принадлежности. Считать иначе — значит впадать не просто в социал-дарвинизм, но пускаться в сомнительный путь религиозной ненависти".

Это аргумент от политической целесообразности, а не от реальной истории. Если ты боишься что-то признать — это свидетельство только о твоём страхе. Это не аргумент, а запрет искать аргументы. То есть именно "магический реализм": мол, если заклинать в прессе, что у террористов нет религиозных корней, то они сначала станут атеистами, а потом перестанут быть террористами.

10. "Что касается современного терроризма, то все его слагаемые очень далеки от религии".

ВСЕ? Даже цитаты из Корана или фетвы улемов, которыми террористы оправдывают свой путь никак не связаны с религией? И в моей статье как раз и есть попытка показать как собственно религиозные причины роста исламского терроризма, так и "внешне-политические". Кстати, в Казахстане при борьбе с экстремизмом и терроризмом почему-то под контроль взяли не деятельность транснациональных монополий, а мусульманские медресе. Так что на словах у правительства Казахстана одно — то что мы сейчас и услышали — а на деле более реалистическое понимание корней террора (правда, этот реализм все равно был отравлен политкорректной дурью: заодно было закрыто немалое количество православных детских церковно-приходских школ).

11. Марат Тажин (он занимает высокую должность заместителя руководителя аппарата Президента Республики Казахстан) не заметил, что я отнюдь не на либерализм возлагаю ответственность за рост терроризма, а на ту силу, которая идет путем отречения от былых либеральных ценностей. И это моя принципиальная позиция: перед лицом нового тоталитаризма обличать либерализм — значит готовиться к позапрошлой и уже проигранной войне. Сегодня именно консерваторам надо учиться говорить на языке правозащитного движения и ловить наших гонителей на слове — как это делали советские диссиденты, тыча в лицо КГБ советской же конституцией.

Как уходить из Чечни

Опубликовано в газете «Труд» 21.07.1995.

Христианский взгляд на политические события — это не моралистика и не прекраснодушные увещевания. Это прежде всего трезвость. Как и всякая добродетель, трезвость отнюдь не дается автоматически всякому члену Церкви или священнослужителю — ее надо достигать. Но, пребывая в Церкви, этого состояния достичь все же легче хотя бы потому, что жизнь христианина не сводится к чтению газет и потому, что она не полностью ангажирована партийными интересами.

В частности, такая христианская трезвость побуждает воздерживаться от манихейски-моралистического гнушания политическими и силовыми методами решения серьезных общественных проблем. Православие — это не толстовство. И Иван Ильин однажды употребил совершенно неожиданное выражение он сказал о "государственной мудрости Православия". Именно государственной, а не "духовной", как велит обычный в таких случаях штамп. Политика — столкновение давлений. Меру же допустимого и необходимого давления и место его приложения должен подсказывать уже нравственный и гражданский такт политика.

От православного человека ждут обычно увещеваний к миру. Он должен во всех случаях твердить одно и то же: "Мир превыше всего! Остановите кровопролитие! Забудем обиды!". И в последние месяцы эти великие банальности звучали достаточно регулярно из уст церковных руководителей и публицистов. Но призыв отказаться от военного давления не тождествен призыву отказаться от давления вообще. Танковые силы — лишь часть тех сил, которыми располагает государство. И дилемма "либо танки — либо пассивное созерцание" развала содержит в себе две ереси, но не содержит правды. Можно проводить политику силы, даже если все танки не покидают своих стоянок.

Сегодня мирные переговоры идут и, похоже, близки к завершению. Но лично у меня ход этих переговоров радости не вызывает — может быть, потому, что я знаю о них слишком мало (сколько полагается рядовому зрителю ТВ).

Все клонится к "нулевому варианту": Россия еще пару лет будет считать, что Чечня — часть Федерации. Чеченцы же до времени (до референдума) не будут мешать русским так думать. Наконец через полгода или год пройдут выборы, которые определяют — кто станет новым лидером Чечни, и новый парламент на основаниях уже менее сомнительных, чем те, что были у Дудаева, вновь потребует суверенитет. На месте чеченцев я бы постарался перенести момент решительного голосования по вопросу о том, быть ли Чечне в составе России, на возможно более дальний срок: пусть сначала Москва восстановит разрушенную войной инфраструктуру чеченской экономики, чтобы было с каким приданным откалываться от нее.

Я не чеченец. Я — русский (хоть и с чеченской, может быть, фамилией). И я пробую представить, что будет значить для России и русских "нулевой вариант" в Чечне. В Грозном разрушены прежде всего многоквартирные здания, населенные в основном русскими (чеченцы предпочитают жить в частных домах). Сейчас федеральными силами и средствами эти дома будут восстанавливаться. Но я все равно не представляю, как после этой войны смогут жить русские в Грозном. Они будут стараться уехать; чеченцы их в этом стремлении будут поддерживать (не деньгами, конечно, а иными, площадными средствами). Но уехать им будет некуда потому, что в России для них квартир никто строить не станет. Так надо ли в Грозном строить для бездомных русских квартиры, которые те через два года будут вновь бросать? Не проще ли сразу построить эти дома на Кубани или на обезлюженном севере Руси?

Как и чем рассчитывает Россия удержать Чечню? Любовью — не удалось. Силой — не получается. Значит, остается — экономикой, деньгами. Но нужна ли России провинция, из-за которой метрополия живет беднее?

Чечня была нужна России в прошлом веке-когда мы жили в состоянии перманентной войны с Турцией и когда империя лелеяла мечту о покорении Константинополя и Иерусалима под ноги православного русского царя. Сегодня эти грезы вряд ли посещают мечты президента или сон патриарха. Значит, контроль над Главным Кавказским хребтом вряд ли имеет военно-стратегическое значение для нас. Что же нам там надо? Нефть? Но ее можно, видимо, контролировать даже в том случае, если Чечня останется за административными границами России.

Можно — если, уходя из Чечни, наши политики не проявят той же недальновидности, что и при уходе из Прибалтики. Насколько я понимаю, в

политическом торге всегда важно помнить — какой из сторон, вовлеченных в тяжбу, важнее итоговая договоренность. То есть надо взвешивать — кто в чем нуждается. Чечне свобода нужнее, чем России — Чечня. Значит, в роли просителя выступает Чечня, а не Россия. Не мы должны умолять Чечню остаться в наших пределах на любых условиях — но Чечня должна умолять отпустить ее, и тоже на любых условиях.

Мне лично кажется, России реалистичнее согласиться с суверенитетом Чечни и тем самым встать в позицию стороны, диктующей условия, а не просящей чего-то. Вам нужен суверенитет? — Берите. Но мы вам его продаем за такую-то цену.

Первое: Мы не признаем нынешней территориальной целостности Чечни. Пусть референдум с точностью до одной станицы определит, какие земли и селения останутся в Чечне, какие отойдут в Ингушетию, какие — в Россию.

Второе: Грозный финансирует переселение в Россию русскоязычных граждан и всех, желающих сохранить российское гражданство. По крайней мере, правительство Чечни обязуется выкупать у будущих переселенцев их квартиры по такой цене, чтобы они могли купить аналогичную жилплощадь в крупных городах России.

Третье: Минимум религиозных, культурных, языковых, экономических и политических прав закрепляется за русскоязычными гражданами, принявшими подданство Чечни и оставшимися в ней жить, а также за теми, кто, сохранив российское подданство, останется жить на территории Чечни.

Четвертое: Формулируются льготные условия грузового транзита российских грузов и грузов, следующих в Россию (в том числе нефти) через территорию Чечни.

Пятое: Нефтяные предприятия Чечни передаются в собственность российско-чеченскому концерну, в котором доля российской стороны заранее оговаривается (например, 50 процентов плюс одна акция).

Шестое: Обустройство новой государственной границы России будет осуществляться по инициативе Грозного — так пусть Грозный и платит за осуществление своей прихоти.

Седьмое: Оговариваются условия сохранения российских военных баз в Чечне (без арендной платы за землю и без налоговых обложений), а также условия их пополнения призывниками.

Восьмое: Особый протокол фиксирует обязательство Чечни не вступать в военные союзы, участником которых не является Россия.

Девятое: Чечня обязуется не укрывать у себя преступников, разыскиваемых Россией, а также не создавать у себя военно-тренировочные лагеря, готовящие боевиков для каких бы то ни было "горячих зон" в России и СНГ.

Десятое: Обязанности, принятые СССР и Россией в области соблюдения прав человека, Чечня принимает, как свои.

При принятии этих условий суверенитет Чечне может быть предоставлен без ущерба для интересов России и ее граждан, живущих как в Чечне, так и на всей территории Федерации. Если при таких условиях Чечня сможет существовать как самостоятельное государство — России не будет от этого ущерба. Если же она через несколько лет захочет вернуться в Федерацию (и это, мне кажется, неизбежно), — Москва опять будет выступать в качестве стороны, выставляющей условия, а не упрасивающей.

Пока же переговоры идут совершенно иначе. И никто, похоже, не задается вопросом: а что будет, если Дудаев сейчас сложит с себя властные полномочия, примет "нулевой вариант", а затем победит на законных выборах? А что будет, если новый парламент организует референдум за независимость и тот подтвердит стремление чеченцев к суверенитету? Как в таком случае будет уходить из Чечни Россия?

И хотя нет никаких оснований считать, что опыт распада СССР учитывается нынешними политиками, все же хочется надеяться, что чему-то они научились. И если они не умеют выигрывать — то пусть хотя бы освоят искусство достойно проигрывать, равно как и умение не превращать отступление в паническое бегство.

Есть ли у войны в Чечне религиозный подтекст?

Опубликовано в журнале «Огонек» №.4, 1995

Самое опасное оружие общественной деструкции — это молва. Слухи способны сокрушать империи. Так слух о нехватке хлеба в Петрограде вывел толпы на улицы, а профессиональные изготовители слухов (либеральные газетчики) назвали это "февральской революцией". Люди беспокоились за хлеб и детей, но пошел слух, что они терпеть не могут "прогнивший царский режим". И люди согласились считать этот слух своей точкой зрения. Обычная трагедия информационного общества: изготовители "общественного мнения" сооружают ужасно рогатую и страшную "козу", и, напугав ею обывателя, утверждают — "надо быть только с нами, потому что иного не дано".

В конце XX века масс-медиа (которые, будучи генератором политических мод, скромно говорят о себе как о всего лишь "зеркале общественных мнений") вновь разрушили империю на той же шестой части света. Всех граждан Союза они призвали разделить мироощущение столичных космополитов: "Так жить нельзя". Сегодня-то понятно: можно было жить так, как жила предреволюционная Россия и даже так, как жил предперестроечный Советский Союз. Но молва создана: "нельзя" — и точка.

Я говорю об этом не для того, чтобы поминать старое. Я боюсь, как бы новая волна слухов не растерла в кровавую кашу нынешнюю Российскую Федерацию. Слухи на такое способны. А те "слухи", которые для сегодняшней России опаснее всего — это слухи о войне с мусульманами на Кавказе. Официальные источники говорят, что война идет с "бандформированиями" и профессиональными наемниками. Оппозиционная пресса, под видом антивоенной кампании начавшая очередную кампанию антиправительственную, любит говорить, что война идет с народом и что этот народ идет на войну, совершив молитву, и что Россия втянулась в противостояние с "мусульманским миром".

В информационном обществе приходится быть субъективным идеалистом. Границы газетного языка — это и есть очертания мира. Реальность — это то, для чего в СМИ придумано имя.

Если долго медитировать (заклинать, шаманить) на одну тему — слово срывается, вырывается с языка и становится реальностью. Нельзя утверждать обратное: то есть утверждать, что молчание о чем-либо лишает реальности замолчанное. Но несуществующий фантом может быть впущен в реальное общественное бытие через информационные технологии массового изготовления слухов.

Фантом "религиозная война в России", если он прорвется на страницы газет и в головы потребителей слухов, очень быстро станет реальностью не только психологической.

Настаивать на том, что на Кавказе идет межрелигиозная война, может только тот, кто желает поскорее разрушить Россию. Потому что именно в этом случае конфликт из-за нефти или власти или кровных обид становится чем-то гораздо более значимым и масштабным. Россия существует до той поры, пока между мусульманами и христианами в ней есть мир. И сам слух о том, что между нами началась война, для этого мира а, значит, и для России, уже опасен.

Первичной сегодня становится виртуальная реальность. То, что показывают СМИ, считается реальностью и люди совершают действия под влиянием картинок ТВ.

Политику наших элит, если не сказать властей, по отношению к исламу нельзя назвать иначе, как преступной. Дело вот в чем. Нетрудно заметить, что ислама в России два: поволжский (татаро-башкирский) и кавказский. Поволжье уже почти полтысячи лет находится в составе России. Тот облик ислама, который в итоге там сформировался, оказался достаточно терпимым и уживчивым. Кавказский ислам и сам по себе более молод. И опыта мирной интеграции в неисламское общество у него меньше.

Не замечать разницы между этими двумя стилями жизни и веры нельзя. Но если эта разница есть, то государство должно подумать, какой ислам в России выгоднее.

Каким будет ислам в России? Бороться с ним бесполезно, запрещать тем паче. Умная политика Москвы была бы такой: поддержать свой ислам, не дожидаясь иностранных миссионеров. Поддержать мягкий татарский ислам. Как поддержать? В информационной цивилизации реальная социальная роль некого феномена будет равняться роли его имиджа. Какой имидж СМИ предадут некому социальному движению, такую роль это социальное движение и будет исполнять. Если СМИ создадут исламу образ

терпимой и достаточно светской религии — массовый ислам может таким и стать. А для этого надо в Москве создать федеральный исламский телеканал, сформулировать соответствующим образом концепцию телеканала и подобрать под нее проповедников.

Москва странно молчит. А в результате по всей России разъезжают саудитские и иранские муллы. И в их проповеди ислам предстает доктриной жесткой, антихристианской, антироссийской, фундаменталистской...

Если же еще и светская пресса начнет говорить о религиозной войне и начнет ставить знак равенства между понятиями «мусульманин» и «террорист», то беды не миновать. Мир российских мусульман разрушен не менее, чем мир российских (постсоветских) православных. Они сами не очень тверды в знании своей веры. Поэтому каким предстанет их глазам ислам с телеэкрана — таким они его и воспримут. И если телеэкран им будет твердить о том, что весь мусульманский мир встал на войну с неверными (даже при том, что телекомментаторы будут осуждать этот джихад) — российские мусульмане могут поверить в этот миф. В конце концов, если человеку тысячу раз сказать «свинья», на тысячу первый он и впрямь захрюкает...

Так почему молчит Москва? Не потому ли, что хозяева московских телеканалов обслуживают скорее интересы западной геополитики, чем национальные интересы России? Не служат ли они тому интересу западной геополитики, согласно которому Россия должна стать прифронтовым государством, своей кровью заслоняющим западный мир от возрождающегося мира ислама? Кроме того, — чьи интересы дороже западным геополитикам и российским олигархам — России или Израиля? Вопрос риторический¹. Откуда исходит угроза Израилю? — Из мира ислама. Как энергию мусульманского мира отвлечь от Израиля? — Направить ее на Россию.

Попробуем посмотреть на Россию глазами мусульманина, живущего в ней. Точнее — посмотрим на ТВ-имидж России, который ему предлагается московским телевидением.

¹Примечание 2004 года: в ельцинские времена НТВ принадлежало Председателю Российского еврейского конгресса г-ну Гусинскому, ОРТ (и, соответственно, телеканал «Культура») контролировался Борисом Абрамовичем Березовским. Кроме того, Березовскому принадлежало около 40% акций на ТВ-6. На телеканале СТС у него было 25% акций. Его другу Мердоку принадлежало еще 50% акций СТС (см. БАБа потянуло на ходинг // Московский комсомолец. 21.5.99).

Ни один из 10 каналов центрального телевидения не предлагает регулярной передачи, посвященной исламу. Это означает, что мусульмане России не имеют возможности говорить на своем языке и о своих проблемах на федеральном телевидении... Это странное молчание естественно истолковать так, что Москва просто не замечает существования мусульман в своей стране. Мусульмане для нее — граждане второго сорта. Стоит ли тогда дорожить единством с таким государством?

Но ведь Москва не просто молчит на мусульманскую тему. Никак не поддерживая ислам в своем эфире, московское ТВ тем не менее ежеминутно разрушает исламский образ жизни и мусульманскую систему жизненных ценностей. Пропаганда «свободной любви» и потребительского материализма вторгается в каждый мусульманский дом с помощью Москвы. Более того — у каждого нашего телеканала есть вполне определенное религиозное лицо. И у большинства из них это лицо не только не мусульманское, но и не христианское. Это лицо оккультно-магическое. А для ислама, еще больше, чем для христианства, любое язычество — это мерзость. Так, по законам шариата в мусульманском государстве имеют право жить только христиане и иудеи. Язычники не имеют этого права. И если язычники правят страной — то мусульманин не может считать эту страну своей.

Москва действительно является агрессором по отношению к традиционным ценностям исламских народов. Но агрессию эту несут не солдаты и не танки, а телеканалы. Слишком поверхностное отношение к жизни, к семье, к женщине, навязывание бедной стране высших стандартов культа потребления — это антирелигиозная агрессия в каждый дом. Засилие оккультно-колдовских передач и гороскопов — это кощунство с точки зрения религии Единого Бога.

Так, если гороскопы, целители и обнаженные девы ежедневно вторгаются в мусульманскую семью, то что должен решить ее глава? Как защитить своих детей от навязывания анти-мусульманского стандарта жизни? Российская “демократия” не позволяет мусульманам (равно как и православным) влиять на поведение ТВ-центров. Что ж — если нет возможности влиять на программы московского ТВ, то логично их глушить. Находясь в составе Российского государства, глушить московское телевидение невозможно. Значит, чтобы отвязаться от Останкино, надо отколоться от России...

Российское телевидение не пробуждает в мусульманах желания отождествлять себя с *такой* Россией. А, значит, объективно такое телевидение работает на раскол страны. На войну.

Для того, чтобы российское телевидение не воспринималось верующими как кощунство, то есть как угроза целостности России, нужны перестановки не столько в Совете Безопасности, сколько в рядах телеведущих. Без оккультных передач типа "Оазис" или "Шестое чувство" Россия станет стабильнее. Так что у русских православных с мусульманами с Кавказа больше общего, чем с поставщиками слухов и клубнички с НТВ. Порой не только мусульманам, но и христианам России очень хочется "отделиться" от российских телеведущих.

Общее у нас и то, что как мусульман, так и православных руководство гостелевидения лишает права на создание собственных регулярных телепрограмм (предпочитая нам иностранных миссионеров и оккультистов).

Из семинарии юношей призывают служить в армию. В советское время семинариста как правило посылали служить в стройбат (не могла же партия доверить юному диссиденту стратегическую ракету!?). Стройбаты, как памятно каждому, состояли из "нацменов" — солдат из азиатских республик, недостаточно знающих русский язык, чтобы служить в частях, требующих большего взаимопонимания между офицерами и солдатами. Если эту реальность перевести в плоскость нашего разговора — это означает, что православные семинаристы попадали в мусульманские части. Можно было бы ожидать, что их ждет сугубое давление: со стороны атеистических начальников и мусульманских сослуживцев. На деле же отношение к ним со стороны солдат было вполне радушным.

Как-то и мне, тогдашнему семинаристу один подвыпивший азербайджанец объяснял в ночной электричке: «Знаешь, за что мы, мусульмане вас, русских, ненавидим? За то, что у вас ничего святого нет. Вы в Бога не верите, и слово "мать" у вас ругательное».

С точки зрения мусульманского права люди разнятся между собою по своим правам. Но ислам берет под свою защиту христиан и иудеев как людей, исповедующих "религию Книги". Поэтому, если российское руководство хочет, чтобы российские мусульмане относились с большим уважением к русскому народу, надо не пугать самих себя угрозой "православного шовинизма", а помочь Церкви набрать силы после свершившегося над ней погрома.

Есть журналистский штамп, высмеивающий "президента со свечкой" и советующий госчиновникам ходить не только в православные храмы, но и во все другие. Я советовал бы подумать над тем, как такое поведение было бы воспринято теми самыми "другими". Если мусульманин видит искренне ве-

рующего христианина (будь это даже президент) — он относится к нему с большим уважением, чем к безбожнику. Так что не стоит советовать президенту или иным правительственным чиновникам ходить в храмы всех конфессий сразу. С точки зрения православия посещение президентом буддистского дацана и поклонение Будде — это идолопоклонство (после которого вообще-то он уже теряет право на вход в православный храм). С точки зрения законов ислама, кстати, тоже: христианин может быть христианином, иудей может быть иудеем. Но если христианин или иудей обращается в язычество — законы ислама велят его казнить.

Православные же могут только одно сказать мусульманам: Братья, потерпите. Не считайте, что это православные поносят Вашу веру и насаждают язычество и цинизм. Не мы правим Россией. Мы сами едва терпимы нашим «демократическим» обществом, а «демократической прессой» и «евангельскими духовными христианами» и мы постоянно оскорбляемы. Лучше объединим наши усилия в разъяснении властям, что не все в России желают оскотиниваться!

Среди множества изданий и институтов дореволюционной православной России, возрождаемых сейчас, один наши церковные иерархи не возобновляют. Не возрождается выпуск казанского альманаха «Православное противомусульманское миссионерское обозрение». И в этом есть своя мудрость. Церковь всячески демонстрирует свою готовность всерьез признать существование мусульман в России и отказ от массовых миссионерских кампаний в мусульманских регионах.

Modus vivendi православия и ислама в России — это негласное согласие редуцировать себя до уровня национальных традиций. И ислам, и христианство — мировые религии. Ни Христова Церковь, ни исламская умма не знают национальных и государственных границ. Но в России обе эти традиции ради того, чтобы уйти от лобового столкновения, рассматривают себя в качестве этнически ограниченных структур. Священник не заходит в мусульманские кварталы с призывом немедленно креститься, а мулла не призывает русских совершать обрезание¹. Именно разрушенность наших традиций советскими гонениями является одним из залогов религиозного мира в России. У нас есть более чем достаточное пространство для роста в наших есте-

¹К сожалению, проект «русского ислама», начавший разворачиваться на рубеже веков, нарушает этот принцип. На одном из главных исламских сайтов русскоязычного интернета — www.koran.ru — бегущая строка призывает: «Русские люди! Читайте Коран! Принимайте ислам». И тут же дается фотомонтаж: купол Храма Христа Спасителя, увенчанный вместо креста полумесяцем.

ственных этнических границах. Заботы мусульманских проповедников — о возвращении к вере отцов их соплеменников. Аналогичные заботы и у православного духовенства. Поэтому наши взаимоотношения довольно формальные, и — спокойные. Тот самый православный национализм («Православие — русская вера»), который так любят ругать «демократические» журналисты, есть в реальности одна из форм сохранения стабильности в стране.

Но светские политики вторгаются вдруг в область непростых религиозных отношений, и вторгаются так, что воздух все явственнее наполняет «предчувствие гражданской войны»...

Они «не нарочно»? Но почему же тогда ТВ и газеты упорно замалчивало мирные инициативы Патриарха Алексия в годы чеченского конфликта? А в результате и по сию пору весьма многие мусульмане убеждены, что РПЦ поддержала действия правительства в Чечне, и что, соответственно, конфликт имел религиозную окраску.

Почему власти, столь болезненно реагирующие на любое критическое упоминание о евреях и иудаизме, столь толерантны, когда речь идет о нападениях на ислам со стороны протестантских миссионеров? Как можно допускать в России распространение книжки, содержащей такие суждения: «Ислам — фальшивая религия, и как один из кумиров должна пасть. Аллах — это не Бог Библии, не бог Авраама, Исаака и Иакова, но кровожадный, мстительный "бог" пустыни, за которым кроются духовные силы, ненавидящие Бога»¹? Не зная русской культуры, зарубежные протестантские проповедники тем более не понимают и традиций православно-исламского сосуществования в России. Они не понимают, что христианский проповедник здесь не может не учитывать соприсутствия мусульман.

... Я не могу сказать точно — что же произошло в Чечне. Действительно ли там просто правительственные войска (неважно какой национальности и какого вероисповедания) разбирались с бандитами. Или это было выяснение отношений между обладателями соседних кремлевских кабинетов. Или это была нефтяная война. Этого я не знаю. Но я знаю, что религиозной войны там не было.

Фантом "религиозной войны" следует поскорее разбить о камень здравого смысла. С ним стоит поступить по совету 136 псалма: "Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень". В церковном толковании этот

¹Ульф Экман. Евреи — народ будущего. Спб., 1993. с. 71.

псалом говорит о горе человеческой души, уведенной в плен грехами. Чтобы освободиться от темных влечений — надо не дать им вырастать в полную меру, но отсекаать их, пока те еще только начинали устраиваться в душе. Поздно бороться с искушением, уже стоя у порога процентщицы с топором за пазухой. Когда помысл о "право имею" был еще юн, когда он только случайно переполз в голову из копеечной брошюрки — тогда надо было "разбить его о камень"...

Не всякая стычка людей разных религиозных традиций — религиозная война. Религиозная война имеет место только в том случае, если целью конфликта одна из сторон ставит навязывание своей веры другим.

Желает ли г-н Грачев обратить чеченцев в Православие? Если да — то он внес новое слово в искусство миссионерства. В Рождественскую ночь устраивать штурм города — такого в истории христианской политики еще не бывало. Не знаю, как чеченцы относятся к православному Рождеству, но для самих православных такое решение было осквернением праздника. И во всяком случае, в чеченском конфликте федеральные войска совсем не собираются крестить местных жителей "огнем и мечем".

Но, может, г-н Дудаев мечтает видеть Москву одетой в зеленые цвета ислама? И в это верится с трудом. Точнее — никак не верится.

Значит, обе стороны не рассчитывают на экспансию религиозных традиций своих народов.

Но, может, они защищают свои святыни? Мне неизвестны случаи, когда чеченцы взрывали бы церкви на территории России. Более того — я не слышал, чтобы православные приходы, священнослужители, верующие (в качестве именно верующих) подвергались притеснениям в самой Чечне. Сколько мне доводилось слышать от православных священнослужителей, несущих свой крест в традиционно мусульманских регионах, официальные руководители исламских народов всегда подчеркнуто лояльны по отношению к Русской Православной Церкви (когда год назад в Ташкентской епархии начали строительство новой православной церкви, первое пожертвование поступило со стороны мусульманской общины).

Но, может, федеральные войска несли с собою угрозу для религиозных традиций Чечни? Этот вопрос уже несравнимо сложнее. С точки зрения поверхностно-формальной — можно не сомневаться, что новое, промосковское правительство Чечни будет всячески поддерживать строительство мечетей и приближение жизни чеченского народа к законам Пророка. Эта политика не

зависит от личной религиозности тех или иных лидеров — это именно политика.

Но это — с точки зрения светского государства, полагающего, что религия есть частное дело граждан, и максимум лояльности, который требуется со стороны государств к религиозной жизни — это не мешать людям собираться для своих молитв. Однако ислам — это не просто религия, это образ жизни.

И вот образу жизни по законам шариата явно будет препятствовать жизнь по законам Российской Федерации. В светском государстве каноническое право любой из конфессий не может соблюдаться в полном объеме: ни канонические традиции православных, ни каноническое наследие мусульман.

Но означает ли это угрозу требованиям религиозной совести чеченцев и вообще мусульман России? Я полагаю, что нет. И основу для такого своего суждения я вижу в том, ислам сегодня многолик. Есть ислам, радикально враждебный самой идее светского государства, а есть ислам, научившийся себе на пользу обращать правила светского общежития.

Эти два толкования исламского наследия сегодня вступили в скрытое противоборство между собою как в мусульманских регионах России, так и в мусульманских странах СНГ. Одно толкования воплощено в жизни Ирана и называется "фундаменталистским". Законы шариата здесь легли в основу всего общегосударственного здания права. Соответственно, как угроза вере, как поругание святыни здесь может быть воспринято появление женщины без хиджаба или попытка ввести совместное обучение девочек и мальчиков в школе. Если такой ислам защищают чеченцы — то, действительно, федеральные войска несли им существенное ограничение "религиозных прав". Например, права отрубать руку рыночному воришке.

Но есть еще и другой ислам — ислам Турции, ислам Франции или Германии. Ислам, научившийся жить в светском государстве, ислам, различающий свой духовный первоисточник от исторических одежд арабского средневековья.

В мусульманских республиках России несомненно более авторитетен турецкий ислам. И дело в не особой роли Турции в хитросплетениях СНГ-овой политики. Просто большинство жителей этих регионов действительно были воспитаны в практическом атеизме и им радостно возрождение ислама в качестве национальной традиции, но не в качестве повседневного указчика,

до мелочей регламентирующего каждый шаг людей. Так что я не думаю, что превращение Чечни из декларированной "Исламской Республики" в светское государство с уважительным отношением к исламу будет воспринято чеченским народом как нечто святотатственное.

В самом начале конфликта Патриарх Московский и всея Руси Алексий и главный муфтий Чечни выступили с совместным заявлением. Призвав к миру, они подчеркнули, что не воспринимают начавшееся противостояние как столкновение православных и мусульман, что конфликт лишен религиозного подтекста.

Православная Церковь даже в прошлом веке не использовала военное присутствие русских войск на Кавказе или в Средней Азии как средство для насильственного обращения мусульман в христианство. Сегодня, пройдя через опыт гонений и страданий, она явно стала и внутренне мудрее и внешне слабее. Православной Церкви дай Бог сил восстановить церковную жизнь в собственно русском народе. Так что религиозной войны в Чечне не было — по крайней мере с нашей стороны¹. Надеюсь, что Всевышний и впредь убережет Россию от этого испытания.

¹Примечание 2004 года: впрочем, после публикации этой моей статьи в «Огоньке» я получил письмо от офицера, участвовавшего в чеченской войне. Он сказал, что согласен, да, с нашей стороны война не носит религиозного характера. Но вот те, кто воюют против нас, именно с религией связывают мотивы своих действий. Дальше, простите, цитата: «И когда они захватывали наших ребят и пытали их, то они ведь выпытывали не военные секреты. Они требовали снять крестик и отречься от Христа. И тогда самые обычные ребята, которые до армии знали дорогу только в школу и на дискотеку, умирали со словами: сука ваш Аллах! Наш Бог правильный!».

Как бороться с терроризмом без спецназа

Основная часть этого текста была опубликована в «Известиях» 13 ноября 2002 г.

После каждой «террористической» вылазки демократическая пресса наполняется заклинаниями: «нельзя искать религиозных или национальных корней террористов!»; «у терроризма нет национальности!»; «У бандитов нет веры»... Прямо инопланетяне какие-то...

Есть, есть у них и матери и отцы, есть то, чему эти бандиты научились не в спецлагерях, а у себя дома, есть то, что они усвоили от своих национальных преданий и религиозных наставлений. А еще есть то, чему они научились в советской школе.

Да, советская школа есть школа терроризма. Она из поколения в поколение передает (не могу решиться писать в прошедшем времени) восхваление террористов, их героизацию. Пугачев и Разин, братья Ульяновы и Робеспьер, декабристы и бомбисты, санкюлоты и прочие «несгибаемые борцы» преподносятся ею как образцы, достойные всяческого подражания.

Слишком скороговоркой у нас упоминаются слова Пушкина: «Не приведи Господь увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Воспевание же этого бунта и его организаторов не смолкает...

Много ли и сейчас, после 11 сентября 2001 года, школ, в которых о декабристах говорят с точки зрения права, а не «исторической прогрессивности»? А с точки зрения права декабристы — это офицеры, с оружием в руках выступившие против законной власти. И подбившие на это своих подчиненных. И при этом их обманувшие (кричите, мол, «Хотим Конституцию!» с пояснением для солдат, что Конституция — это жена великого князя Константина).

Школа и по сей пору учит, что власть как правило неправа, что против нее с силой и удалю может восставать любой «порядочный человек», а вот государство не имеет права на самооборону от «дубровских».

И эти школьные уроки трудно забыть — ибо они канонизируются топонимикой наших городов. Мы до сих пор ходим по улицам, носящим имена

Ленина, Свердлова, Урицкого, Дзержинского, Пугачева, Разина, Пестеля и Рылеева.

У нас в каждом городе есть улица какой-нибудь Розы Люксембург, но нет улиц Андрея Рублева или патриарха Тихона, Федора Достоевского или императора Александра Освободителя.

Слишком скороговоркой у нас упоминаются слова Пушкина: “Не при-веди Господь, увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный”. При этом продолжается воспевание этого бунта и его организаторов.

Налицо политика двойных стандартов, которыми руководствуются и федеральные, и местные власти Российской Федерации, когда речь идет о проблеме терроризма. С одной стороны, наши лидеры утверждают, что терроризм — это преступление, которое не может иметь никакого оправдания. Нет, мол, такой цели, ради достижения которой можно было бы вставать на путь экстремизма. Но при этом почему-то продолжается политика одобрения «пламенных революционеров».

Так вот, мне бы очень хотелось, чтобы сегодняшнее осуждение терроризма было обращено и к нашему собственному прошлому.

Без спецназа и без газа, без поиска баз террористов в Саудовской Аравии или Афганистане, и уж точно без оглядки на мнение чеченолюбивого американского конгресса и исламобоязненного европейского парламента — борьбу с терроризмом можно начать просто по месту своего жительства: с требования переименовать имена улиц и площадей, названных в честь «дудаевых» прежних эпох. И с подбора для каждой отдельной школы таких учебников, в которых история России не выглядела бы как сплошная «генеральная репетиция» большевицкого переворота.

Впрочем, чувствую, что подошел к грани, за которой начинается уже другое неприличие — привычка все той же либеральной прессы при каждом конфликте всю вину перекладывать на «эту страну».

Да, есть в нынешнем всплеске терроризма вина советской революционной пропаганды. Но ведь не все выпускники советской школы подкладывают бомбы и захватывают роддома... Значит, есть и иные источники нашей беды.

Вновь скажу: мне кажутся странными модные ныне призывы ни в коем случае не искать национальных и религиозных корней этих террористов. Странно, а почему мы должны о них забывать? Настала пора серьезно осо-

знать многокультурность Российской Федерации. Россия населена не общечеловеками и даже не просто европейцами. Культуры народов, вовлеченных Российской Империей в общие границы, настолько различны, здесь соседствуют столь различные представления о добре и зле, что порою то, что считается преступлением в понятиях одной культуры, воспринимается другим народом как доблесть.

В культурах и религиях могут быть импульсы, подталкивающие к жестокости или к терроризму. Например, в послевоенные годы часто ставился вопрос, почему в культурнейшей стране Европы, в Германии зародился фашизм? Не означает ли это, что зубы дракона росли через века христианской европейской традиции? Не было ли в христианстве чего-то такого, что учило людей относиться бессострадательно к боли еврейского народа? Этими вопросами и ныне полна европейская пресса. Даже несмотря на то, что во времена фашистской Германии церковь подвергалась гонениям, а гитлеровская верхушка была откровенно языческой — вопрос о христианских корнях антисемитизма считается вполне академическим.

И все же вполне законная и необходимая борьба с антисемитизмом после 45-го года все же не смогла не наступить на все ту же мину двойных стандартов. С одной стороны, в качестве психологической предпосылки, сделавшей Холокост возможным, была названа привычка людей мыслить в категориях общенациональной вины и общенациональной ответственности. Непорядочность какого-нибудь одного Шейлока, (шекспировского «венетского купца»), переносилась в массовом сознании на еврейский народ в целом. Каждый еврей — даже родившийся спустя тысячелетие после евангельских событий — считался соучастником в бесновании той толпы, что кричала перед дворцом Понтия Пилата: «Распни Его!». Так идея общенациональной солидарности и общенациональной ответственности создавала психологическую почву для гитлеровского варианта «окончательного решения» еврейского вопроса.

Двойной же стандарт сказался в том, что отрицая «круговую поруку» в восприятии еврейской истории, анти-антисемитская пропаганда все же историю самого антисемитизма рисовала предельно широкими мазками. Она отказывалась видеть в антисемитских выходках только отдельные грехи отдельных людей и настаивала на том, чтобы увидеть «семена зла» в самой европейской культуре, и прежде всего — в христианстве.

Так в конце XX века в культурологию была перенесена классическая средневековая философская дискуссия — спор между номиналистами и реа-

листами. Для реалистов реально общее и до некоторой степени призрачно частное бытие. Для номиналистов реально только конкретное индивидуальное существование, а общие, родовые имена (понятия) — это только имена, колебания воздуха, и не более того.

Демократическая пресса предпочла сегодня встать на позицию радикального номинализма: «каждый выбирает для себя» свою бомбу, и это именно и только сознательный выбор одного человека. Посему террориста нельзя рассматривать как носителя национальной или религиозной культуры. Вопрос о том, были ли какие-то такие особенности его национального и религиозного воспитания, которые облегчили ему именно этот выбор, ставить нельзя (анализ должен быть ограничен фрейдистским рассмотрением детских травм и семейного окружения).

Я же считаю, что в области культурологии нужно быть и номиналистом и реалистом. Либералы считают, что каждый человек сам по себе: если он совершил преступление, то то «общее», к которому преступник принадлежит, не несет никакой ответственности за его преступление. Это частный выбор частного человека.

Да, надо уметь видеть своеобразие каждого отдельного человека, его личную ответственность за то доброе и за то плохое, что он делает.

Но с другой стороны, не стоит забывать, что каждый из нас начинает свой путь не с нуля, не с чистого листа. В каждом человеке есть нечто, что он наследует, а не выбирает. Есть предрассудки, общие для больших групп людей. Это пред-рассудки в самом буквальном смысле. Предрассудок — это то, что мы усвоили раньше, чем начал работать наш личный рассудок, то есть, с молоком матери. Это то, что передано мне моей семьей, школой, культурой в качестве стандарта поведения: «Все мужчины делают это!». Но в разных культурах довольно разные представления о том, какое именно «это» должен делать «настоящий мужчина».

Здравый смысл, обычаи разных культур могут оказаться радикально разными. В библейские времена здравый смысл подсказывал видеть «безумца» в том, кто говорит «нет Бога». В советские времена здравый смысл полагал безумным того, кто вопреки мнению большинства (а главное — вопреки мнению властей) полагал, будто есть в мире сила, высшая, чем Политбюро.

Захватывать женщин в плен — позор с точки зрения одной культуры и доблесть по понятиям культуры другой. Преступники есть в любом народе.

Различие народов в том, что поступок, считающийся преступным в одной культуре, считается нормой или доблестью в другой.

Так несут ли культура, нация ответственность за то, что они хранят в качестве своего "здорового смысла", за то, что они передают своим детям в качестве стандарта жизни? Если в национальной культуре есть некие черты, способствующие терроризму, то эту культуру надо менять, выдергивая из нее «зубы дракона».

Начинать можно, например, с языка. Ведется же сегодня в русском языке борьба со словом *жид*, а в английском языке — со словом *негр*. Если семя ненависти не в языке, а в религии — тогда и на нее надо оказывать давление, заставляя ее мутировать (как некогда Петр добился мутации московского православия во что-то средневропейское, сделав ему украинскую прививку). Мы знаем, что даже в советские годы, не говоря уже о современности, в Чечне процветало рабство: и рабовладение и работорговля. Тайно от Москвы, но не втайне от односельчан. Жителям аула было хорошо известно, у кого есть рабы, где они находятся, когда и где они были пленены или куплены¹. И поэтому все же приходится говорить о групповой солидарности,

¹ «По сведениям министерства по делам национальностей, не считая погибших в ходе военных действий, в Чечне начиная с 1991 года убито более 21 тыс русских, захвачено более 100 тыс. квартир и домов, принадлежащих представителям иных этносов, более 46 тыс. человек обращено в рабство не только в частном, но и в государственном порядке. Рабовладение и работорговля — существенный элемент экономики по-чеченски. И сейчас на территории Чечни удерживается в ожидании выкупа от 800 до 3 000 человек, по различным оценкам» (Морозов Е. Конституция для рабовладельцев // Десятина 2002, № 8(71).

И вот одно из опубликованных свидетельств:

«В мае 1994 года я прибыл в город Моздок на заработки. Меня заинтересовали выгодной работой двое неизвестных молодых людей, которые подошли ко мне на вокзале. Меня привезли в ингушское село Верхние Ачалуки, где передали семье Ехьи Аушева. Мои документы они вручили Аушеву, который отказался мне их вернуть. С мая 1994 года по настоящее время меня заставляли бесплатно работать с утра до поздней ночи, кормили плохо, систематически избивали. Ночевал я в гараже, в непригодных для этого условиях. Меня охраняли, постоянно контролировали мое передвижение в доме и за воротами. Предупреждали, что мне не уйти, а если попробую убежать, то расстреляют на месте. Люди, которые приезжали к Ехье, рассказывали, что Ехья занимает большой пост, контролирует ГАИ. Он, его семья, родственники и все приезжающие гости настроены антироссийски, ненавидят русских. Многие хвастались тем, что сами имеют рабов, и их отцы имели рабов, и деды имели русских рабов. И вообще, русские должны быть только рабами, а их женщины — проститутками. В июне 1994 года в дом к Ехье приезжал отец президента Ингушетии. Старик приехал на белой "Волге" в сопровождении двух автомобилей "Жигули", из которых вышла вооруженная охрана. Через некоторое время в дом к Аушевым приехал и сам президент Ингушетии Р. Аушев, портрет которого в генеральской форме я видел в доме Ехьи раньше. Президент приехал также с охраной. Он был в военной форме. Собрались

групповой ответственности. Народ, который благодушно взирает на рабовладельческий промысел своих единоплеменников этим своим благодушием свидетельствует, что его национальный «здравый смысл», его национальная культура признает возможность рабства, разрешает захват людей и обманным путем, и путем насилия. И здесь не стоит говорить, что так действуют какие-то отдельные выродки. Нет, эти рабовладельцы действуют как вполне репрезентативные носители своей национальной культуры¹.

люди, встреча была торжественной. Президент Аушев покровительствует Ехье. Тот же ведет себя самоуверенно, к нему приходят за советом, везут продукты и угощают скот со всей Ингушетии и даже Кабарды. Он иногда сопровождает президента в его поездках. Дом Ехьи расположен недалеко от трассы. Если двигаться со стороны Вознесенского перевала, то в Верхних Ачалуках, после проезда мимо мечети, расположен мост. Через 100 метров после моста с левой стороны расположена улица (на углу — коммерческий ларек), на которой проживают братья Аушевы: Башир, Абас, Амир. Все они живут в собственных домах. В доме у Амира (так же, как и я) работал русский мужчина лет пятидесяти по имени Володя. Его, возможно, убили, так как мы планировали бежать вместе. В таких же рабских условиях, как и я, на этой же улице, в доме дяди президента, работал парень 1965 года рождения, узбек по национальности. Он выполнял самые грязные работы и его постоянно избивали, особенно бесчинствовали сыновья. В доме у Ехьи имеются автомобильные номера разных серий: грузинские, кабардинские, осетинские, ставропольские и др. Он их продает, как и угнанные машины, поставляемые ему из разных мест. Убежал я ночью 3 марта, так как был праздник Ураза, и хозяин и гости потеряли бдительность, однако они быстро обнаружили мое отсутствие, так как я видел, как из дома выехали машины, которые стали объезжать все дороги. Были слышны выстрелы, в том числе в доме Амира Аушева, где жил Володя. Возможно, его убили, так как в назначенное время он не вышел, а после первых выстрелов я убежал. Я шел всю ночь, ориентируясь по высоковольтной линии, и вышел на Кантышево, а далее мимо аэропорта попал на окраину Беслана, где встретил бэтээр с военными, которые доставили меня в отдел милиции. Я утверждаю, что в Ачалуках находится много русских и людей других национальностей, которые эксплуатируются как рабы, с ними расправляются в случае отказа выполнить их требования, многих уже нет в живых... Сергей Дудкин, сбежавший раб семьи Аушевых". Можно по-разному отнестись к этой исповеди, если бы не попала она к нам от сотрудников пресс-службы ФСБ в Северной Осетии, куда, собственно говоря, и пришел этот человек. ФСБ Осетии проводила расследование по этому факту, и человек этот — реальное лицо, имеющее имя, отчество, адрес. Рабство есть. Оно — факт нашей нынешней истории. И подтверждением тому, документ, переданный в редакцию почти одновременно с исповедью русского раба. Это указ президента Аушева о решении судьбы тех самых "дудкиных", которые в указе презрительно названы "лицами без определенного места жительства". Есть в нем такие строки.

"В связи с использованием отдельными гражданами в личных целях труда лиц без определенного места жительства ПОСТАНОВЛЯЮ:...выявить местонахождение лиц без определенного места жительства и факты использования их в личных целях. При отсутствии трудового договора и документа, удостоверяющего личность, Министерству внутренних дел ИР к лицам без определенного места жительства принять меры в соответствии с действующим законодательством. Президент Ингушской Республики Р. АУШЕВ"

Вывод о том, что «чеченский народ не виноват», нельзя делать на основании официальных деклараций московских чеченцев (т.е. чеченцев, живущих в Москве или назначенных Москвою). Такой вывод можно сделать только на основе данных армейской разведки и ФСБ: проанализировав среднестатистическую реакцию чеченцев в тех разговорах, которые они вели между собой (причем не на русском языке, а на своем).

Мне же запомнилось, как в одном из телерепортажей чеченка в лагере беженцев о террористах в Москве сказала — «наши».

Жаль, что у CNN нет постоянных корпунктов в горных аулах Чечни. Иначе весь мир увидел бы сцены, подобные тем, что так шокировали его год назад: ликующие палестинцы, стихийно (это самое главное: где стихийность — там искренность и честность, то есть там та роскошь, которую не могут себе позволить «официальные представители») изливающие свою радость по поводу успеха террористов в Нью-Йорке¹.

Заметьте, не "освободить", не "помочь", не "вызволить", а именно: "принять меры". По словам вырвавшихся из неволи людей, этот указ спровоцировал волну убийств узников, которых отпускать на свободу никто не собирался из страха огласки, но содержать из-за "указа" стало опасно — могли на большую сумму оштрафовать. Русских рабов при угрозе "выявления" попросту убивали, как собак, и закапывали в ямах с отбросами. Хозяином русского раба был офицер местного ГАИ, которого правильнее было бы назвать бандитом: открыто торговал оружием, был связан с чеченскими боевиками. Не под протекцией такого ли "гаишника" отряд детоубийц попал на территорию Осетии? Редакция далека от однозначных утверждений в чей-либо адрес и приводит все вышесказанное для того, чтобы услышать, что думают по этому поводу компетентные органы, хваленые "правозащитники" и сам экс-президент Ингушетии Аушев, чье имя упоминается в исповеди русского раба Дудкина...»
<http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/04/565/42.html>

¹ Когда в Грузии в 16 веке расцвело это зло, церковный собор резко восстал и определил: «Человек, продавший человека, будет ли знатный, или незнатный, князь, дворянин или крестьянин, да будет от святых соборов проклят и отвержен. Кто по точном розыске и исследовании окажется продавцом человека, если выкупит и приведет проданного, заплатит штраф, по своему состоянию, и церкви, и епископу, и господину его, а если не приведет, кто бы он ни был: князь дворянин или крестьянин, ничто его не спасёт, было бы незаконно его спасать, он должен быть повешен, а если кто за взятку не сделает это, да будет проклят от святых соборов и наказан по канонам апостолов» (*Иеродиакон Давид Сарсания Церковные соборы в Западной Грузии в XVI-XVIII вв. и их борьба с работорговлей*
http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=77&did=21546&p_comment=belief

¹ «Восемь лет назад, в июне 95-ого, я был среди заложников, которые на автобусах вместе с отрядом Шамиля Басаева возвращались из Будённовска в Чечню. На всём пути следования Басаева встречали толпы ликующих чеченцев, во всех сёлах, через которые мы проезжали, собирались митинги. Он был национальным героем своего народа. Можно не сомневаться, что такими же национальными героями для жителей Чечни стали эти две женщины, взорвавшие себя в минувшие выходные в Тушино" (Сергей Ковалев. Чеченский Рубикон // Новые Известия. 8.7.

Зато, по свидетельствам московских заложников, сами террористы вели себя на удивление сдержанно, уравновешенно, корректно. Что означает это их спокойствие? Прежде всего это свидетельство об убеждении самих террористов: они полагали, что совершаемое ими в высшей степени нормально.

Итак, вновь перед нами вопрос о норме: что считается нормой в той или иной культуре. И как могут жить рядом друг с другом, а тем более в одном государстве народы, у которых диаметрально противоположные представления о том, что «нормально» в отношениях между людьми.

Страусиная политика ничем не поможет: никуда не уйти от вопроса о корнях терроризма в самой национальной традиции тех или иных горских племен¹.

Чтобы сбить эмоции, нужно осознать, что то, что произошло в Нью-Йорке и в Москве в начале XXI века вполне обыденно с точки зрения мировой истории. Просто прорвался наружу один из ее главных конфликтов. Конфликт скотоводов и земледельцев.

У них довольно разные ценности хотя бы потому, что земледелец привязан к своей земле и стабильность воспринимается им как ценность.

Напротив, для скотовода, которому все время нужны новые пастбища, смена места и отвоевывание новых угодий — это естественная составляющая

2003). Так что у террористов есть национальность: есть нация, которая считает их своими не только по факту рождения в ней. Есть народ, национальные герои которого берут в плен роженниц и новорожденных младенцев.

¹ «...Когда в Чечне все замирится, наладится и встанет-таки вопрос о референдуме...

— То есть когда рак на горе свистнет. Там люди пока что не собираются налаживать жизнь и вряд ли смогут мирно жить в обозримом будущем. У них другой род занятий.

— У всех?

— У значительной части.

— Другими словами, по-вашему, все чечены — бандиты?..

— Скажем так, там особая горская культура, которая считает допустимыми такие виды деятельности, которые недопустимы в остальном мире.

— Скажите уж прямо...

— Нет, я не собираюсь оскорблять чеченский народ. У них и так тяжелая судьба. И говорить про чеченцев правду зачастую означает оскорблять.

— Что же нам тогда делать с Чечней, где живут люди с подобной ментальностью? И отделить их нельзя, и жить с ними неприятно.

— Думаю, тот, кто найдет ответ на этот вопрос, получит Нобелевскую премию мира. Я не претендую». (Сергей Караганов: «Говорить о чеченцах правду — значит оскорблять уелый народ» <http://www.ropnet.ru/ogonyok/win/200245/45-14-15.html>)

его образа жизни. Поскольку же и ремесла у скотоводов развиты меньше, чем у земледельцев, то регулярное посещение оседлых «супермаркетов» козачеству просто необходимо.

Через всю историю человечества проходит этот конфликт: начиная от противостояния Древнего Египта ливийцам и его капитуляции перед гиксосами. В шумерском языке “ад” обозначается словом «кур», которое буквально означает “горы”¹.

В большинстве мифологий преисподняя связывается с подземным миром, но у шумеров — с горами. Похоже, горцы «достали» шумеров всерьез. Горы, нависавшие над Междуречьем (в том числе и Кавказ), являли шумерам лик смерти. У нас в университетах говорят, что древнейшая цивилизация возникла именно в Междуречьи потому, что земледелие в этом регионе (где необходимы систематические и обширные ирригационные работы) требовало хорошей организации труда. Но, может, причиной раннего развития сильного государства в этом регионе было и то, что только крепкое сплоченное государство могло сопротивляться набегам горцев?

А по другую сторону Кавказа — Кубань. Плодороднейшие земли планеты. Но почему же в последнее тысячелетие здесь не было земледельческих цивилизаций? Почему эта земля была заброшена и не обрабатывалась, пока там не появились русские крепости, казачьи поселения, станицы и заставы? Отчего эти черноземы так долго были пустошью? Не является ли заброшенность этой земли следствием того, что рядом были горцы, которые считали в порядке вещей жить за счет набегов на соседей?²

Так как же возможно сосуществование двух настолько разных культур? Да, все мы хотим мира. Но как он должен выглядеть, представляем очень по разному. Например, с точки зрения земледельческих народов, в том числе и русского, мир возможен на условиях стабильности. То есть мы занимаемся своими делами на своей земле, а вы — наши соседи, вот по этой реке

¹“Первоначально это слово означало “гора”, затем приобрело более общее значение — “чужая страна”, потому что окружающие горные области таили в себе постоянную угрозу для Шумера» (Крамер С. История начинается в Шумере. — М., 1991, с. 159).

²Среди чеченских тейпов есть и земледельческие. Точнее — были: «Большевики жестоко расправились с враждебным революции Белым Терским казачеством — первым кавказским народом, подвергнутым выселению. На их земли большевики пустили горных чеченцев, тех, кто в отличие от лояльных России «плоскостных» чеченцев, пополняли в свое время войско Шамиля. Это дорого обошлось России в годы второй мировой войны» (Нарочницкая Н. Беспокойный тыл державы // Эксперт. 2002, 11 сентября. № 42, с. 69). Кстати, в Казахстане переселенные туда чеченцы ведут спокойный земледельческий образ жизни.

— граница; мы не вмешиваемся в ваши дела, вы — в наши. Иногда обмениваемся продуктами нашей деятельности.

Но боюсь, что с точки зрения скотоводческих народов такое условие пригодно только для перемирия, а не для мира. Ведь с их точки зрения наша территория это естественная часть их хозяйственного ареала, куда они могут прийти и забрать то, что им нужно. «Все возьму — сказал (хас)булат»...

По понятиям земледельцев для бесконфликтного соседства достаточно соседей оставить в покое. По понятиям скотоводов-кочевников успокоенные соседи есть беззащитная, законная и вкусная добыча¹. У скотоводов и земледельцев разные «предрассудки». Вы ничего кочевникам не докажете — тут цивилизационная несовместимость. Земледельцы не могут сказать соседям—кочевникам: «вы живите по своим уставам, а мы по своим».

... Пал я как-то жертвой рекламы. Новый фильм Соловьева «Нежный возраст» получил хорошую прессу. И когда его показ был объявлен в телепрограмме — я решил предаться созерцанию. Не могу сказать, что фильм меня увлек. Но вдруг один кадр всецело затащил меня в телеэкран: там показывали дом, в котором я живу. И в том же эпизоде один персонаж говорит другому: «А ты в милицию не пробовал обратиться?» — И слышит в ответ: «Да ты что? Это же Юго-Запад! Здесь государства нет. Здесь одни чечены!». И это — правда. Летом 2002 года «чечены» прямо под окнами моего дома установили кафе-тент (для ориентировки на местности: это в полукилометре от того Мак-Дональдса, у которого чечены же взорвали машину за пару дней до захвата Норд-Оста). Громкая музыка завлекала в него прохожих и услаждала посетителей (или — в их отсутствие — бармена) до глубокой ночи. Когда после нескольких бессонных ночей мой собственный интерес к музыкальной культуре Северного Кавказа был удовлетворен до предела, я спустился к кафе и напомнил бармену, что он все же не у себя в ауле, а в Москве, в которой, кстати, только что принят закон об охране тишины в ночное время... В ответ мне было спокойненько так сказано: «Маё кафэ — это нэ Масква!».

Так что конфликт культур — это не пограничная проблема. Гиксосы посреди нас. И если в Европе они занимают маргинальные позиции, зацепляются за нижние этажи социальной лестницы, то в Москве все иначе: при-

¹Однако, если рядом с кочевым народом нет доступной поживы (в силу отсутствия соседей или в силу их постоянной обороноспособности), то и кочевой народ может привыкнуть жить лишь за счет своих ресурсов и воспитать в себе вполне мирный нрав. Первый случай — это оленеводческие народы Севера. Второй — казахи.

шельцы тут не стесняются в демонстрации своей силы, не скрывают своего презрения к нам, туземцам, и не скрывают своих планов превратить Россию в Московский Халифат...

Такая перспектива нас не устраивает? Но тогда — одно из двух.

Или китайский вариант: стена, отделяющая евразийские кочевые просторы от оседлой цивилизации китайского Двуречья — Хуанхэ и Янцзы. Однако, уже ко времени генерала Ермолова стало понятно, что этот вариант с чеченцами не срабатывает. Рельеф здесь не китайский. Крепости, построенные по периметру Чечни, не давали защиты от набегов. Тогда было решено полностью взять под контроль эту территорию, насаждая там уже свою систему ценностей.

Такая политика более затратная, более тяжелая. А самое главное: эта модель дает результат только в далекой перспективе — если в течение столетий осуществлять жесткий контроль в желательном для земледельцев направлении, подкупая и устраняя местных национальных лидеров, контролируя школьное и религиозное образование и т.д. Как бы дико это ни звучало с точки зрения нынешней «политкорректности», я вижу только этот путь: давление Империи земледельцев, объединившихся для совместного отпора «дикой степи», на скотоводов с целью мутирования их культуры. Это путь долгой, упорной колонизации. Обучение, хитрая политика внутри кочующих племен, подкуп, выбор и поощрение самых сообразительных и цивилизованных вождей, развитие медицины, ремесел, помощь деньгами или, напротив, блокада... в общем, — весь набор мероприятий, описанных в прогрессорской трилогии Стругацких.

Так происходит цивилизаторское служение Империи — то, что Киплинг называл «бременем белого человека»:

*Неси это гордое Бремя.
Будь ровен и деловит.
Не поддавайся страхам
И не считай обид...
Неси это гордое Бремя —
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
«Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!»*

Это служение состоит, в частности, в том, чтобы быть «удерживающим»: если разбой — это не проступок нескольких людей, если он и в самом деле имеет культурные корни, то этим, разбойным, аспектам туземной культуры Империя должна объявить войну. Газетами, школами, церковью. Если надо — и спецназом.

Но стоит только Империи забыть, зачем она здесь, забыть о своем цивилизаторском назначении, ослабить давление — и следует новый взрыв.

Постоянное давление есть путь к миру. Порою именно пушки способны проложить дорогу к переговорному столу. Военные операции уместны хотя бы потому, что только их успех может придать России в глазах чеченцев уважительный статус. Только с уважаемым оппонентом могут быть переговоры и только сильному кодексу чести горцев разрешает сделать уступки или подчиниться.

Для переговоров надо создать условия. Истеричное требование мира во что бы то ни стало есть худшая подготовка к ним.

Какой вариант действий сейчас уместнее — не мне решать.

Пока от российско-чеченского конфликта веет безнадежностью. У современной России нет ресурсов для прогрессорской работы в Чечне. Но и просто уйти оттуда Россия уже пробовала. И что же? — Чечня пришла к нам. Предложение наших пацифистов — установить границу по Тереку — вряд ли сработает: для земледельцев Терек это граница, а для кочевого сознания Терек — просто легкое препятствие на пути к славе и добыче. Я готов допустить, что Россия может и должна уйти из Чечни, раз ничего больше не может с ней сделать. Но вот готова ли Чечня оставить Россию в покое?

В любом случае первый шаг на пути решения любой проблемы — это фиксация того, что проблема есть. В дипломатии признание наличия проблемы есть первый шаг на переговорах. Поэтому табу, наложенное либеральной прессой на осмысление национальных и религиозных корней у терроризма, должно быть, наконец, снято.

Полагаю, кстати, что в чеченской проблеме национальное начало превалирует над религиозным.

Мир ислама разнообразен не менее, нежели мир христианства. Так что народ, обращающийся в ислам, вполне может выбирать — какое из его направлений сделать своим. Чеченцы старше ваххабизма. И чеченцам понра-

вился именно ваххабизм... Значит, не в религии надо искать объяснение их национального характера.

То, что восточно-славянские племена впитали в себя византийский вариант христианства, а римский вариант оказался для них менее близок — это в некоторой степени говорит и о том характере этих племен, который был им присущ в языческие времена. Точно так же то, что чеченцы избрали мюридизм, а не стали обычными суннитами или шиитами, наверно, тоже во многом обусловлено их предыдущей историей.

Уместен ли вопрос о том, в какой мере характер русского народа обусловлен православием? — Конечно. Но тогда уместен и вопрос о том, какие национальные черты стусебал, а какие, напротив, подчеркнул ислам в национальных темпераментах и нравах северокавказских горцев. Тем более, что ислам они избрали совсем недавно — во времена Шамиля, в начале XIX века.

Террористы, вовлекая в военные бедствия мирных жителей России, по своему правы: они понимают, что с ними воюет не та или иная дивизия, а именно Россия. В их глазах мы едины с нашей армией. Настала пора и нам осознать меру единства террористов с их народом¹.

¹«Речь идет о ясном ответе: "Убивая наших детей, вы хотите утвердить принцип коллективной ответственности — вы этот принцип получите". Бульдозерный закон, согласно которому все движимое и недвижимое имущество близких родственников живой бомбы подлежит полному уничтожению, уже назрел. У вас клановое общество? Так следите за членами своего клана. Если не поможет — депортация родственников в отдаленнейшие районы Севера, пусть там объявляют джихад белым медведям. Страх должен прийти к равновесию, а увещеваниями равновесия не достигнешь» (Максим Соколов. Самое дешевое ОМП // Известия. 10 июля 2003).

Кроме нас на свете много других

«Известия» 6 декабря 2002.

Статья диакона Андрея Кураева "Как бороться с терроризмом без спецназа", написанная специально для "Известий", была опубликована 13 ноября с.г. И вызвала бурный читательский отклик. Как вызывают его в последнее время все публикации, резко ставящие проблему национальной вины и общенародной ответственности, культурного противостояния и социального мира, либерального бессилия и фашистских умонастроений. Значит, именно здесь нерв эпохи. А потому "Известия" будут постоянно возвращаться к этим темам.

Преимущество диакона Андрея Кураева — и, может статься, главный его недостаток — умение предельно кратко и предельно широко обобщать. Кочевники и земледельцы — как Восток и Запад; они никогда не поймут друг друга. Образ яркий; формула звучит вызывающе, почти дерзко. И вывод по накалу публицистической энергии соответствует изначальному посланию: пора признать общенародную вину чеченцев за насилие в самой Чечне и за ее пределами.

Пора-то оно пора, да кое-что останавливает. Например, вопрос о том, всегда ли безусловно действует закон больших чисел? Что делать, как поступать — с одной стороны, с теми чеченцами, которые не ощущают себя кочевниками и, с другой, с теми русскими, которые давным-давно утратили связь с родной землей, да и с какой бы то ни было культурной почвой? Другая проблема. Как нам быть с соотечественниками, оправдывающими головореза Буданова? Готовы ли мы нести за будановых коллективную национальную ответственность? Если да — то в каких формах. Если нет — тот как можно спрашивать с чеченцев за то, что они прикрывают своих уродов? Третий поворот темы. Слишком многие чеченцы живут за счет рабовладения. Согласились. А сколько семей в России живет за счет разбоя гаишников на больших дорогах, за счет взяток чиновников, за счет трофеев, полученных на той же чеченской войне?

Яркая публицистика не любит частных вопросов. Когда-то, на заре страшноватенького XX века, писатель Герман Гессе отрецензировал только что вышедшую в свет книгу философа Освальда Шпенглера "Закат Европы". Шпенглер тоже предельно обобщил данные мировой истории и вывел

скептический закон самопожирания западной цивилизации. Рецензия звучала приблизительно так. Книжка выдающаяся. Она произведет переворот в умах. У нее есть недостатки. Главный ее недостаток не в том, что ее автор перепутал все факты — в конце концов, любой историк ошибается. Главный ее недостаток не в том, что ее автор шовинист: в конце концов любой патриотизм рано или поздно вырождается в шовинизм. Главный недостаток в том, что ее автор слишком серьезно к себе относится...

Сегодня наши читатели задают сами себе частные вопросы на общую тему. И, наверное, это единственно верный путь.

Очень хорошо, что газета обсуждает вопрос со всех сторон. Тем более что выступление диакона Андрея Кураева бьет прямо в точку. Он обращает внимание на то, что давно известно, но в упоении демократией и борьбой за права человека разными добренькими правозащитниками просто замазано и размазано.

Действительно, всегда существовали мирные племена хлебопашцев и племена воинов, а если попроще, то разбойников. У первых трудовые свершения как-то особо не воспевались — некогда было, работа все время поглощала. А у вторых о воинских (разбойничьих!) подвигах слагались легенды, сказания и саги — между набегами времени было достаточно. То есть разбой и вседозволенность воспевались. Это, дескать, и есть настоящее занятие настоящего мужчины. У горных чеченцев даже был тост: "Свет — наш! Кто, кроме нас, на свете!" В свое время разбоем занимались и русы, ходившие в грабительские походы на Царьград. Грабителями были и наши казаки, совершавшие вояжи в Турцию под предлогом войны за веру. Эти подвиги тоже до сих пор воспеваются... Тут есть о чем задуматься.

Вот только процесс перевоспитания свободолюбивых рабовладельцев и разбойников уж очень длителен. Делом этим, конечно, заниматься надо, и целенаправленно. Но и без спецназа — не стройте иллюзий — не обойтись.

*Станислав МАКСИМОВИЧ,
Пушино, Московская область*

Вспомним разбойника Роб Роя

Все пишут и говорят о проблеме Чечни так, словно она уникальна, словно нигде и никогда и близко ничего подобного не было. В крайнем случае обращаются к эпохе генерала Ермолова! Между тем ситуация знакома всем нам не по сухим научным исследованиям, а по романам Вальтера Скот-

та. В Англии конца XVII — начала XVIII века правительство не знало, что делать с шотландскими горцами. Они противостояли Лондону религиозно (будучи католиками), политически (горские кланы были приверженцами свергнутой династии Стюартов), но главное, в условиях перенаселенности горных долин и отсутствия работы не могли не заниматься до боли знакомыми промыслами — угоном скота, грабежом и захватом заложников с целью выкупа.

И как ни романтизирует Скотт своего Роб Роя, ясно, что этот персонаж недалеко ушел от Басаева. Как и чеченцы (и все горные народы, включая православных черногорцев), шотландские хайлендцы жили первобытно-общинными кланами, признававшими лишь власть вождя. Вожди, разумеется, беспрестанно враждовали. При королеве Анне в начале XVIII века Лондон попробовал было политику Березовского — платил вождям, чтоб те удерживали своих людей от разбоя и набегов. Но когда деньги заканчивались, горцы неизбежно восставали.

Решение проблемы исчерпывающе описано в финале "Уэверли": после восстания 1745 года казнили большинство вождей, запретили под страхом смерти ношение не только оружия, но даже национального костюма, земли горцев передали в руки ставленников правительства. Короче, родовой строй был разрушен до основания.

И уже к XIX веку горная Шотландия из "горячей точки" превратилась в тихую туристическую местность. Какой остается и поныне.

Жаль только, что об этом пути к демократии и цивилизации шотландских горцев напрочь забыл лорд Джадд и другие потомки усмирителей, которые ныне учат мир политкорректности.

Но, может, об этом стоит вспомнить нам?

Е.Ш. ЛЕНСКАЯ, Украина

Популяция паразитов развивается без тормозов

Я уж думал, что дискуссию о национальных и религиозных корнях терроризма безвозвратно прервало нападение террористов, разом ответив на все вопросы. Но нет, в действительности точку в ней поставил диакон *А. Куравев*: После его статьи дискутировать стало не о чем. Спасибо ему большое!

И все же остался вопрос, на который диакон не ответил. Вот он: а почему это, разбираясь в вековечном конфликте земледельцев и кочевни-

ков-скотоводов, мы должны отдавать предпочтение земледельцам? Почему их автоматически считаем правой стороной?

Правозащитникам, например, это совсем неочевидно. Ссылки на главный вектор мировой цивилизации не убеждают. И в мировой практике есть случаи, когда эта самая мировая цивилизация специально оставляла в покое некоторые народы — в резервациях (Австралия). Почему же нынешние потомки скотоводов не подпадают под такой щадящий подход, почему их экспансия должна пресекаться?

Ответ, на мой взгляд, в том, как осуществляются экспансии сторон этого конфликта. Одна сторона строит, растит, воспитывает — другая приходит и берет. Мало того, что это процессы совершенно различной трудоемкости (родить, воспитать, построить несопоставимо труднее и дороже, чем убить и сломать). Дело еще и в том, что одна из сторон паразитирует на другой.

А как известно из биологии, количество паразитирующих особей не должно быть чрезмерным. Иначе погибнет сообщество их "хозяев", а следом — и популяция самих паразитов.

В живой природе такое торможение происходит естественным путем. В нашем мире, судя по темпам прироста населения у сторон междоцивилизационного конфликта, подобных тормозов нет.

Значит, конфликт вполне может привести к гибели все земное население — ничуть не хуже ядерной войны. И даже если гибели удастся избежать, то сползание в средневековье уже происходит...

Сгущаю краски? Готов выслушать аргументы в защиту цивилизации кочевников-скотоводов. Буду очень рад, если мне, например, назовут хотя бы одного лауреата Нобелевской премии в области естественных наук, живущего или хотя бы происходящего из обсуждаемого региона. Тогда я искренне порадуюсь за то, что у мира есть шанс выжить.

Только прошу не использовать ссылки на политкорректность — ничем иным, как попыткой спрятать голову в песок, она не является.

Виктор СТРЮКОВ, Калининград

Новых миссионеров хотя бы не съедят

Статья *А. Кураев*:а — одна из первых правильных статей, она без марксистской интернациональной стыдливости называет вещи своими именами.

Правда, не могу согласиться с тем, что конфликт с чеченцами есть конфликт между скотоводами и земледельцами. Чечня живет даже не по законам рабовладельческого общества, а по законам первобытно-общинного строя! Рабовладельческое общество предполагает наличие городской культуры, науки, искусства, развитого производства и т.д. А в Чечне родовой строй: пропитание добывают охотой и собирательством, но охотятся на людей. Сколько их сгинуло в Чечне — никто не сможет сказать. И в чеченском бизнесе цивилизованное начало отсутствует — он, как правило, тоже разбойничий.

И не надо стесняться фактов. Такова жизнь. Живут же в Новой Гвинее папуасы по своим законам!

Тем не менее господин Глюксман и другие еврочеловеки вольны помогать чеченцам. Пусть они, как средневековые миссионеры, несут в горную Чечню европейское просвещение, человеколюбие, политкорректность... Конечно, новые миссионеры должны быть готовы к тому, что их будут похищать, а если их европейские родственники не пришлют денег на выкуп, то их могут обезглавить, искалечить... Но пусть будут довольны, что их хотя бы не съедят! Все-таки XXI век — он и в горах XXI!

Виктор КАЗАКОВ, Москва

Один выдох сильнее миллиона камланий

Рассуждения Андрея Кураева не просто проливают бальзам на душу лингвиста. Это попытка постичь истину за наслоением лишних слов. Автор очень меток в своих наблюдениях по поводу терроризма, воспитываемого и школой, и топонимикой. Это рабство, растворенное в крови.

И я понимаю, о чем пишет Кураев, когда вспоминает чеченку, которая сказала о террористах: "Наши". Один ее выдох стоит тысяч ученых статей и миллионов камланий политиков.

Именно поэтому мне показалась интересной и его оригинальная попытка представить суть происходящего как конфликт скотоводов и зем-

ледельцев. Может, именно через такие простые аналогии мы сумеем понять сложнейшие процессы?

И еще одна мысль. Превенная пропаганда придумала "новую историческую общность людей". Но ведь массовое сознание приняло это пропагандистское клише, включило его в круг реалий! Стереотип прижился! И вот мы решили, что все одинаковы. Все совки. Может, поэтому теперь так трудно осознать особость других людей и народов? Может, поэтому не понимаем, как это они могут делать с нами то, что делают? И стыдимся признаться, что не изжили этот пропагандистский стереотип.

Андрей Кураев демонстрирует глубокий подход к проблеме. Но... Это "но" не к автору, а к газете.

К сожалению, это взгляд с этой стороны. То, о чем он пишет, если не понимают, то ощущают, если не ощущают, то принимают теперь (благодаря его интерпретации) люди с этой стороны. Но либеральные ценности предполагают стереоскопичность взгляда. Да, мы видим так или приблизительно так, как пишет Кураев. А как видят с той стороны? И как видят ислам и его цивилизацию неангажированные исследователи ислама? Есть ли такие?

Мы тут с этой стороны понимаем и чувствуем схоже, хотя иногда и схлестываемся в полемике. Но хочется составить объективную картину. Она невозможна без взгляда с той стороны.

Есть ли там те, кто еще хочет рассказать нам о себе? Или мы уже опоздали?

Василий РУСЕЦКИЙ [rusetsky@rambler.ru]

Когда молчание — не знак согласия

После чтения подобных статей я просто тупею от неразрешимости проблем... И правда во всех позициях есть. И несправедливость. И безнадежность. И невозможность уйти от них...

Как не воин тот, кто не различает солдата и его мать, так нет, на мой взгляд, правды и в поисках "меры единства террористов с их народом". Сама постановка вопроса страшит. Страшит возможностью несправедливости.

"Благодушие народа, взирающего на рабовладельческий промысел своих соплеменников, свидетельствует, что его национальный "здравый смысл", его национальная культура признают возможность рабства", — пишет Андрей Кураев. Он исходит из того, что "в каждом ауле прекрасно зна-

ли, у кого есть рабы..." И ставит "вопрос о групповой солидарности, групповой ответственности".

Но всегда ли молчание народа — знак его благодушия? Преступная идея может найти рьяных исполнителей, но не больше ли тех, кто молчит от невозможности противостоять подавляющей силе? В сталинские времена люди боялись говорить между собой даже шепотом, видя, как исчезали, гибли невинные. Не означает же это, что палачи и доносчики действовали как репрезентативные носители нашей национальной культуры?

Сколько среди живущих в Москве чеченцев — владельцев кафе и сколько среди них тех, кто пренебрегает правом горожан на покой? Сколько среди жителей Чечни тех, кто действительно считает рабовладение и работорговлю нормальным явлением, и тех, кто молчит от страха, от невозможности противостоять более сильным в отдельном мирке аула, где их не защищает власть?

Когда появится возможность заработать на жизнь трудом, а не войной, тогда людям легче будет забыть о своем "скотоводческом" прошлом. Думается, если мы дадим такую возможность, это будет поэффективнее идеологического давления.

Татьяна ГОРОХОВА, Калининград

Ярость благородная

Говорят, что силового решения чеченского вопроса не существует. Почему? Все зависит от величины применяемой силы. Если большую силу применить, можно сделать из Чечни ровную площадку, гладкую, как необлупленное яйцо. Чем не решение?

Хочется, правда, чтобы что-нибудь мешало такие проекты реализовывать. Какое-нибудь ненужное душевное человеколюбие или смешное, двухтысячелетней давности "не убий".

В каждом из нас живет эдакая тень, с которой споришь и которая регулярно подбрасывает простые ответы и решения подобно: выдать всем по пистолету; разрушить дома террористов; окружить горы непроницаемым кордоном; отменить мораторий на смертную казнь...

Но вторая часть моей души говорит, что не получится так, чтобы убить, скажем, сначала всю Чечню, а потом зажить всем добро, мирно, свет-

ло и счастливо... Поступившие так люди уже не будут после этого ни добрыми, ни мирными, ни счастливыми.

Нет, наверное, и быть не может абсолютно доброго и счастливого общества. Как и абсолютно злого, черного (хотя пример серого на 70-80 процентов вспомнить легко). Но есть изменение, вектор развития... И мне кажется, что сегодня направление этого движения заметно и определено, а в конце этого движения — что-то очень нехорошее.

Сергей МОИСЕЕВ, Тверь

Если у соседа яма с рабами

Возможно ли открытое осуждение чеченцем соседа, имеющего яму с рабами, или родственника в степени двадцатой воды на киселе? (О святом — о седьмой воде на киселе — я уж не говорю.) Возможно ли сказать родственнику в лицо: "Подлец", или плюнуть в сторону его дома, или хотя бы осуждающе покачать головой?..

Может быть, чеченские омовцы, добросовестные участковые, прокуроры и т.д. принадлежат к тем кланам, которые не имеют среди своих членов рабовладельцев. Но, полагаю, все драматичней и благородней: эти люди понимают, в каком веке живут, и отодвинули клановую принадлежность с первого места в ряду ценностей. Так или иначе, этот вопрос не к ним, а к массе чеченских обывателей.

Вот в каком направлении надо бы искать факты правозащитникам.

А пока на мой вопрос нет положительного и убедительного ответа, вполне естественно представление о том, что полуразваленная армия бедной страны, как может, обороняет ее от племени разбойников.

Сергей КАШКИН, Москва

Беззубым ртом рвем железные гвозди

Разные люди смотрят на мир по-разному. Одни видят его кроваво-красным, другие — черно-белым. Кроваво-красный страшит, черно-белый пугает. А жить-то хочется не страшась и не пугаясь.

В последнее время все чаще раздаются призывы иметь вокруг общественное многоцветье, слышать разноголосье вблизи. Это разноголосье пы-

таемся наложить и на борьбу с криминалом: с человеком ведь имеем дело. Давит модная толерантность, многотрудный социум любит терпеть.

А победим ли мы криминал, руководствуясь презумпцией невиновности? Годаются ли здесь белые перчатки правоведов?

В борьбе с кровью не надо бояться крови: клин-то ведь клином выбивают. Страшиться зла в борьбе со злом — едва ли меньшее зло, чем сам криминал. Ставить "презумпцию" в схватке с криминалом на первое место — то же, что беззубым ртом рвать железные гвозди: сил уйдет много, а гвозди останутся. Процесс этот, к сожалению, уже идет.

В борьбе с терроризмом, конечно, нет простых, линейных, однозначных способов победы. Но в борьбе с силой нельзя брезговать силой. Как и недостаточно пользоваться одной лишь только силой.

А. ГОРБУНОВ, Иркутск

Запоздалые истины

Я не скажу, что статья своевременна. Ей должно было появиться лет 15 назад, когда у коренных народов некоторых союзных республик вдруг резко проснулось национальное самосознание. Пищу последние слова с уважением, всерьез и без кавычек, потому что понимаю, насколько важно его иметь любому народу — и маленькому, и многочисленному.

Но как-то само собой (а может, и специально) получилось, что одно и то же понятие у малого народа считается национальным самосознанием, а у большого — это уже ксенофобия, шовинизм, нацизм... И еще бог весть какой "изм", но обязательно негативно окрашенный. То есть представитель большого белокожего народа уже с рождения должен чувствовать неполноценность, потому что не повезло ему родиться темнокожим членом какого-нибудь племени числом в тридцать человек. Ну не бред ли?

Я — русский, у моей Родины великие пространства и великая история, мой народ выстоял перед лицом невероятных несчастий, нашел в себе силы пробудиться от красного дурмана большевизма. И я уверен: еще мое поколение поднимет Россию, а мои дети сделают ее примером для планеты.

Таково наше национальное самосознание. Мы не лучше всех (вот это уже нацизм), но мы — не хуже. Из этого и будем исходить.

Б. РОЦИН, Краснодар

КОРОТКО

Главная проблема христианского мира — низкая рождаемость. Во Франции, где каждый десятый — араб, нежные француженки не хотят или же боятся рожать. Или же предпочитают искусственное оплодотворение. И русские идут по тому же пути. А мусульман-то все больше и больше. Вот и вся суть "мусульманского терроризма".

Рустам ГАРАХАНЛЫ, Баку

Говорят: Россию скупают пришельцы. Да, скупают. Почему не купить, если есть деньги. Но главная проблема: кто продает Россию? Ведь продают-то русские. Только русские!

Владимир СЕМИГЛАЗ [QAWDRGY@MTU-NET.RU]

Лев Гумилев не случайно называл эти две религии — православие и ислам — комплиментарными друг другу. Прежде всего благодаря им Россия и стала Россией. И только дурак не понимает, кто и зачем нас сейчас пытается поссорить. Но мы, православные, с мусульманами вместе! Так было, так будет!

Андрей МАЛИНОВСКИЙ, Санкт-Петербург

Единственный способ найти истину — гласность. Решимость "Известий" вскрыть гнойник — путь к предотвращению национальной и религиозной розни. Хватило бы этой решимости.

Геннадий НИКОЛАЕВ [tgn42@mail.ru]

Мнения читателей, как водится, разошлись. И это очень хорошо. Потому что полное единомыслие возникает только там и тогда, где и когда завершается живое движение жизни. Вернемся еще раз к вопросу, который — особенно после статей о. Андрея Кураева и Олега Осетинского — волнует многих подписчиков "Известий". Где мера общенациональной ответственности — и вины за происходящее? Вины чеченцев, скрывающих и поддерживающих террористов, вины русских людей, без "прикрытия" которых никакой Бараев ничего сделать не сможет.

Вечером в воскресенье, 8 декабря, на РТР выйдет второй фильм Аркадия Мамонтова, посвященный трагедии "Норд-Оста". Здесь, среди прочего, будет рассказано о том, как именно бараевская группа попала

в Москву — причем еще в марте-апреле. Основная часть через Дагестан, под видом челноков. В том числе и реальный руководитель группы, во главе которой номинально стоял Бараев. Сам Бараев приехал поездом из Минвод — и Мамонтов разыскал человека, с которым Бараев, представившись бизнесменом из Турции, гулял по Москве за несколько дней до теракта на Дубровке.

Так вот, кто несет коллективную общенациональную ответственность за мирное проникновение террористов в "тыл"? Чеченцы или мы сами? Как можно было готовить теракт в самом сердце страны, там, где каждый милиционер норовит проверить паспорт у инородца, и не попасться? Сколько же нужно было раздать взяток, и на каком уровне?..

Все это вопросы отнюдь не праздные. От внятного ответа на них зависит и верная постановка острых социальных (они же национальные, они же политические) проблем.

Так что — давайте усложнять.

После выхода в «Известиях» моей статьи о Беслане, владикавказский рериховец, который не упускает случая выговорить редакциям тех газет, что осмелились меня публиковать, прислал в «Известия» следующее письмо:

«Как надоело ловить главного церковного пиарщика дьякона А. Кураев:а на лжи и подтасовках! Вот он пишет в статье "Как относиться к исламу после Беслана?" ("Известия". 16.09.04), споря с тезисом "у терроризма нет национальности и религии": "С этим "политкорректным" тезисом можно было бы согласиться, если бы верующие мировых религий по очереди устраивали теракты. То буддисты захватят школу и расстреляют в ней детей... То даосы взорвут самолет... То христиане подорвут кинотеатр... Вот в этом случае можно было бы ограничиться повторением банальности о том, что у каждого народа есть право иметь своих подлецо... Но ведь все очевидно не так".

Ну а как же война в Ирландии, которая ведется между ирландцами-католиками и ирландцами-протестантами? Христиане воюют с христианами, причем как раз именно террористическими методами. И кинотеатры, помнится, подрывали...

Нас пытаются уверить, что главное зло в этом мире — от ислама. И что единственное спасение России от этой "злой" религии — в религии "до-

брой", казенной. Но чем мракобесы православия лучше фанатиков от ислама? Мой приятель — интеллигентный человек, прокурорский работник — входит в те 5-6% населения России, которых можно назвать "православными": регулярно исповедуется, причащается, ведет беседы со своим духовником. И все 15 лет, что я его знаю, он порывается перейти в католичество. Его душит ненависть того церковного круга, в который его затащило. Духовник постоянно на все лады внушает: люди — лишь те, кто воцерковлен в Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП), "все остальные" — воплощенные бесы. Эти настроения настолько сильны в РПЦ МП, что сам дьякон Кураев вынужден был сие признать. В статье "Лекарство от экстремизма" ("Известия". 14.01.03) он признает: "Ваххабиты есть и среди православных. Сами себя они называют "опричниками".

Ненависть к "неверным" заложена в самых основах религиозного мировоззрения — не только мусульман, но и христиан, включая православных. Шамиль Басаев в одной из своих проповедей призвал своих единоверцев-ваххабитов: "Надо открыто обвинять кафиры в сатанизме и не смягчать с ними тон". Дьякон Кураев, как и Басаев, тоже не стесняется наклеивать ярлык "сатанистов" на людей, мыслящих не так, как надо мыслить, по мнению его и его начальства.

Георгий Ясько, экономист.
Владикавказ.[yasko@nm.ru]¹.

Про якобы взорванные в Ирландии кинотеатры г. Ясько не смог сказать ничего конкретного (кто? где? когда?), так что и не стоит об этом говорить. Мне «помнится», что в Ирландии взрывали в основном БТРы и полицейские участки. Кроме того, мне не «помнится», чтобы в Ирландию на борьбу с протестантским засильем съезжались католики со всего мира (подобно арабским боевикам в Чечне). Не помню я и католических богословов, которые оправдывали бы террор ИРА.

А вот пафос статьи Ясько весьма показателен. Если я говорил, что семена ненависти могут быть в исламе, то «веротерпимый» рериховец расширяет этот тезис на все вообще религии: «Ненависть к "неверным" заложена в самых основах религиозного мировоззрения». При этом позиция воинствующих религиеборцов в либеральной прессе будет считаться «прогрессивной», а моя — «мракобесной». Все-таки сначала бомбы взрываются в мозгах.

¹<http://www.izvestia.ru/club/article405626>

Беседа с представителями чеченской общины на радиостанции «Эхо Москвы»

22 Ноября 2002 [22:08-23:00]¹

В гостях: Абдулла Хамзаев, Андрей Кураев, Вахид Абубакаров

Ведущие: Нателла Болтянская

22 ноября 2002 года. В прямом эфире радиостанции "Эхо Москвы" Абдулла Хамзаев, адвокат, генерал юстиции, бывший прокурор Чечни Вахид Абубакаров, Андрей Кураев, профессор богословия, дьякон. Ведущая эфира Нателла Болтянская.

Н. Болтянская: — Добрый вечер! Наши гости — Абдулла Хамзаев, адвокат, генерал юстиции, бывший прокурор Чечни Вахид Абубакаров. Мы ждем дьякона Андрея Кураева. Тема, которую мы сегодня будем обсуждать — бывают ли нации хорошие и плохие.

А. Хамзаев: — Вопрос этот можно обсуждать до бесконечности и без каких-либо абсолютных перспектив. Мы сегодня слышим постоянно отдельные выступления лиц, представляющих собой якобы многомиллионный русский народ, который пытаются, авторы внушить населению РФ, что на территории нашего государства существуют плохие народы. Тем самым, с моей точки зрения, эти авторы, вольно или невольно, с умыслом или без, делают все возможное и невозможное для того, чтобы на территории РФ не сосуществовали в нормальном государственном коллективе разные национальности. Нам, чеченцам, которых сегодня отдельные авторы поливают отборнейшей грязью, надобности никакой выступать в роли подсудимых и доказывать презумпцию своей добропорядочности, необходимости нет, лишь только потому, что это может оценить каждый русский человек. Касаясь темы, которая сегодня возникла, если я вдруг начну вспоминать отрицательных персонажей, носящих русские паспорта, это прозвучит как оскорбление русской национальности. В то же время, когда отдельные авторы, обобщая в целом, допускают оскорбительные и порочащие сведения в отношении другой малой национальности, это воспринимается абсолютно нормально. Автора послед-

¹<http://www.echo.msk.ru/interview/interview/10383.html>

ней публикации "Как бороться с терроризмом без спецназа" я хотел бы спросить...

Н. Болтянская: — Вот, он появился в студии.

А. Хамзаев: — Представляет ли он идеологию христианского вероисповедания? Я не специалист по религиозным учениям, но мне хотелось бы знать, может, в Писании, которым руководствуются христиане, проповедуется ли межнациональная рознь и опорочивание одной национальности, пользуясь ее меньшинством? Допустимы ли подобные суждения?

Н. Болтянская: — Отец Андрей Кураев появился в студии. Я бы предложила вам ответить на вопрос, заданный Абдуллою Хамзаевым.

А. Кураев: — Я слишком поздно пришел, чтобы понять, в чем суть дискуссии. На поставленный вопрос: допускает ли христианская этика опорочивание наций, независимо от их численности, ответ однозначный — конечно, нет.

Н. Болтянская: — Ваша статья "Можно ли бороться против терроризма без спецназа" вызвала очень острую дискуссию, и вас обвиняют в античеченских настроениях. Что вы можете ответить?

А. Кураев: — Прежде всего, скажу, что меня очень удивила постановка вопроса для дискуссии на "Эхо Москвы" — бывают ли плохие и хорошие нации. Безусловно, что это просто преступная постановка вопроса. Как можно ставить вопрос о нации плохой или хорошей? Это внеморальная категория, и она не подлежит никаким оценкам, как не подлежит нравственным оценкам состав крови или разрез глаз. Какие здесь нравственные оценки? Нужно ставить вопрос иначе — о культуре. Есть, например, европейская культура. Она в свою очередь состоит из ряда субкультур. Есть культура Ренессанса, есть культура средних веков, Реформации, культура эпохи Просвещения. Есть классическая культура 19 века и есть культура постмодернизма. Более того, в рамках этой большой культуры есть какие-то отдельные социумы, у которых своя субкультура. Есть субкультура, скинхедов, субкультура рокеров, субкультура с.н. Болтянская:оветских пенсионеров. И в этих субкультурах могут быть свои представления о добре и зле. Вот тут и возможна нравственная оценка того, что именно считается нормой в той или иной культуре.

Н. Болтянская: — Я хочу процитировать фрагмент вашей статьи, где упоминается ситуация, когда, скажем, каждого еврея воспринимали как соотечественника тех, кто в свое время распял Христа. Если посмотреть на мир-

ных жителей Чечни, которые становятся жертвами зачисток, то люди, которые потеряли близких или пострадали сами, гипотетически могут воспринимать не федеральные власти, а россиян, русских как врагов. Если посмотреть на достаточно ужесточившуюся ситуацию в Москве после Дубровки, то кто-то может воспринимать словосочетание "чеченские террористы", как обязательные оба слова. И давайте не лукавить, не делать вид, что этого нет. Вот молчит Вахид Абубакаров, а меня это пугает, потому что генерал, молчащий в присутствии рядовых, это всегда страшно.

В. Абубакаров: — Меня удивило, что в статье священнослужителя рекомендуется оценку нации давать не по тому, что сказал Абубакаров или Хамзаев, а о том, какие оперативные сводки представляет ГРУ и ФСБ. Такое сложилось впечатление, будто святой отец или получает, или дает такую информацию.

Н. Болтянская: — Ну, вряд ли.

В. Абубакаров: — Но причем тут ссылаться на оперативные сводки спецслужб?

А. Кураев: — Назовите другой источник объективной информации о настроениях чеченского народа.

В. Абубакаров: — Но откуда у вас такой источник информации? Кто вам докладывает?

А. Кураев: — К сожалению, никто, но все же назовите другую возможность получить объективную информацию. Проводятся ли в Чечне социологические опросы, референдумы? Нет, не проводятся уже в течение 10 лет. Тогда назовите мне другую возможность узнать о настроениях не официальных лиц, назначенных Москвой...

В. Абубакаров: — Вы ушли от вопроса.

А. Кураев: — Я не получаю сводок спецслужб.

А. Хамзаев: — У меня будет вопрос к г-ну священнику, является ли он как автор этой статьи именно как представитель христианской церкви? И второй вопрос — высказывает ли он в своей статье свою точку зрения от имени русского народа?

А. Кураев: — Безусловно, нет, это моя частная и личная позиция, только и всего. И я думаю, что это нормально, потому что одна из тем нашей

дискуссии как раз и состоит в этом — в какой мере мнение частного лица репрезентативно для той или иной большой социальной группы.

А. Хамзаев: — Частное лицо не должно подписываться титулом христианской церкви. Это раз, если он частное лицо. И второе, скажите, пожалуйста, нам, простым людям, русским чеченцам, наземным муравейчикам, не ваши исторические субкультуры нужны и теоретические изыскания. Поэтому, хотя я и сомневаюсь к принадлежности вас к русской национальности, тем не менее, спрашиваю: считаете ли вы возможным сосуществования в пределах государства вас, русских, коль вы представляете себя русским, и нас, дикарей-чеченцев, да или нет?!

А. Кураев: — 3 вопроса. Первое: когда я высказываюсь по любым вопросам, кроме вопросов догматических и вероучительных, я высказываюсь в качестве частного лица. Второе — почему мой текст подписан дьяконом Кураевым? — Потому что меня сана никто не лишал. Я дьякон, и для меня нет разрыва между разными аспектами моей жизни. Я стараюсь поступать по моей христианской совести, но это не означает, что по я всегда действую по поручению и от имени Церкви. Потому что православная церковь разрешает достаточно большую свободу в высказывании по проблемам, которые не касаются собственно вероучения. Вы совершенно справедливо спрашиваете, в какой мере я являюсь русским человеком. Действительно, моя фамилия, скорее, чеченская. В любом случае, тюркская скорее, чем славянская. Но, к сожалению, мой дед Иван Дмитриевич Кураев погиб на войне в 1944 году, отец воспитывался в детдоме, поэтому я не знаю, какая была генеалогия.

Третье, способны или нет мы жить вместе? Да, но для этого и надо наконец осознать, не на словах, а на деле, многокультурность народов, составляющих РФ. Есть разные народы с разными представлениями о чести, о том, что такое добро, что позволено, что не позволено по отношению к чужаку. По-разному понимается, где вообще проходит граница — свои и чужие. Разные представления у разных социальных групп, у разных народов. И не надо не замечать этого различия. А дальше уже это замеченное различие надо обсуждать как проблему. И это действительно проблема. Мне иногда кажется, что когда-то имперский инстинкт России подвел ее, и тогда Российская Империя захватила слишком большие инокультурные куски — например, Польшу, Финляндию, или Кавказ, которые она не смогла переварить, и она отравилась этим сама, а потому в конце концов и распалась.

В. Абубакаров: — Вообще меня ваша статья еще в одном аспекте заинтересовала. Насколько мне известно, Христа сами евреи богом не считают. 13 апостолов, тоже евреи, но их апостолами сами евреи не считают. Как у вас сочетается, с одной стороны, признание богом того, кого своя нация не признает богом, и в то же время ненависть к этой нации? У вас проскальзывает не только неприятие чеченцев как плохой нации, но и евреев вы так походя задели там.

А. Кураев: — А вы не помните, как я задел и обидел евреев в своей статье? По-моему, все было ровно наоборот. Или вам кажется, что всякий раз, когда православный священник упоминает еврейскую проблему, значит, что он всегда же ругает евреев? Но в моей статье я, напротив, говорил именно о трагедии еврейского народа, о том, что я признаю правомерным вопрос о корнях антисемитизма в европейской культуре. И этот вопрос надо исследовать, чтобы не было антисемитизма.

Н. Болтянская: — А потом, вы знаете, у меня такое впечатление, что мы с вами волей-неволей съехали на выяснение вопроса, кто лучше, и кто хуже. Потому что ведь на третьей минуте нашей беседы зазвучали — еврей, чеченец, русский. С моей точки зрения, возможно, я ошибаюсь...

В. Абубакаров: — Дело в том, что нам такую тему навязали. И мы вынуждены с этой... Мне просто неприятно, что разговор идет со священнослужителем, совершенно для меня необычная ситуация.

Н. Болтянская: — Но ситуация такова, что отец Андрей в газете миллионного тиража изложил свою точку зрения, с которой можно спорить, не спорить, но которая существует. С другой стороны, мне кажется, одна из главных наших с вами задач — это попытаться определить, каким образом противостоять, без оружия в руках, определению кого-то как именно представителя той или иной национальности. Вот с точки зрения закона есть статья 282 УК. По какому признаку можно определить, что, например, я разжигаю национальную рознь, а отец Андрей этого, например, не делает? Как это градуируется четко? Вы, юристы, можете это определить?

А. Хамзаев: — В законе четко сказано: пропаганда неполноценности по национальному признаку образует состав преступления, которое уголовно наказуемо. Вопрос о том, является то или иное высказывание преступлением, решается путем проведения следственной проверки компетентными на то органами. Я хочу сказать, что в нашем законодательстве несколько в несовершенной форме сформулировано это. Я еду по Москве, и на каждом пере-

крестке встречаю торгующих собой женщин. Если я ее назову шлюхой, проституткой, она потребует, чтобы я это доказал, и может привлечь меня к уголовной ответственности за оскорбление. В то же время, одев одеяние священнослужителя, можно пропагандировать о том, что та или иная нация является рабовладельческой, и ухмыляясь, говорить о том, что я умысла прямого не имел, я высказывал свои теоретические суждения. Думаю, российскому законодательному органу следует внести определенные коррективы в позиции статьи 282-ой. Я хочу еще одну вещь сказать. Нашим слушателям не безынтересно, наверное, каким образом здесь, в Москве, оказались иностранцы. Я просто хочу сказать, что я в 6-летнем возрасте, будучи депортированным в Казахстан, вернувшись, реабилитирован, в Чеченской республике, где вывеска была чеченская, а внутри чеченцев было меньше, чем инопланетян. Нам не представлялась работа по специальности, мы вынуждены были работать в российских истинных регионах. В этом была, с одной стороны, очень положительная, ибо, благодаря порядочным русской национальности руководителям правоохранительных органов мы кровью и потом, демонстрируя свое профессиональное мастерство, становились полковниками, генералами юстиции, заслуженными юристами РФСР.

Н. Болтянская: — Я предлагаю нашим слушателям поучаствовать в дискуссии. Вопрос, который мы предлагаем сегодня: готовы ли вы лично признаться в антипатии к любым представителям каких-либо наций? Если да — 995-81-21, если нет — 995-81-22.

А. Кураев: — Можно мне позвонить на второй телефон?

Н. Болтянская: — О как! Но вы пытались говорить о том, что в вашем интервью есть несоответствия с 282-ой статьей?

А. Кураев: — Нет, такое я услышал только сейчас.

Н. Болтянская: — Уважаемые юристы могут аргументировать свое обвинение?

В. Абубакаров: — Для того, чтоб по этой статье привлечь к ответственности человека, надо доказать наличие прямого умысла. А здесь, когда человек говорит, что говорил не от имени церкви, а это мое личное мнение, и не имел в виду разжигание межнациональной розни, а культурологическое такое...

А. Хамзаев: — Я думаю, этот вопрос целесообразно поставить на рассмотрение компетентных органов прокуратуры Москвы, а потом, в соот-

ветствующем порядке, вплоть до Генпрокурора. Для того, чтобы, для начала я, чеченец, знал о том, что каждый может безнаказанно называть меня рабовладельцем, человеком дикой культуры, жителем гор, которые разрушили шумеров, еще кого-то, неизвестно, лишь только потому, что Всевышний при сотворении Вселенной сотворил горы. В таком случае, по всей вероятности, надо бы обвинение высказать Всевышнему.

А. Кураев: — Боюсь, что не все слушатели понимают, о чем идет речь. В моей статье речь шла о том, что конфликт, который происходит отчасти в Чечне, отчасти в Москве (захват театрального центра) — это, как ни странно, довольно нормальный конфликт для всей человеческой истории. Это конфликт между цивилизацией скотоводов и земледельцев. Дело в том, что цивилизация земледельцев — это люди, для которых стабильность выше всего. У них четкий регион своего обитания и ответственности. Напротив, для кочевых племен рядом живущие земледельцы — это территория его законной охоты, законная добыча. И очень часто в истории это происходило.

Н. Болтянская: — Когда в 1994 году началась первая чеченская война, которую многие до сих пор воспринимают как попытку захвата, вторжения, кто из противостоящих сторон был скотоводом, а кто — земледельцем?

А. Кураев: — Давайте различать все-таки действия тех или иных политических элит и отношение народа к этим действиям. Та война получила безусловное осуждение в российском общественном мнении. И между прочим, я знаю минимум 7 заявлений Патриарха Алексия с осуждением действий федеральных властей. Это были заявления и от имени Патриарха, и от имени Синода, и совместное заявление с мусульманскими лидерами РФ и Северного Кавказа¹. А вот когда речь идет о проявлениях терроризма, то здесь для меня важен вопрос о том, как реагировало чеченское общественное мнение. Я, например, от моих уважаемых собеседников очень хотел бы сегодня услышать, скажем, такие свидетельства чеченского народного фольклора, которые бы не воспевали бы джигита, который там где-то лихо сражается за пределами Чечни, а в которых содержалось бы ясное осуждение разбоя. Привидите мне осуждение захвата рабов из фольклорных памятников, в из

¹ «Во время трагедии в Чечне я шесть или семь раз обращался с призывами и воззваниями. Причем один раз вместе с муфтием Чечни. Мы сказали, что не рассматриваем чеченский конфликт как религиозный и что необходимо прекратить кровопролитие... Средства массовой информации замалчивали это — ни одно из моих обращений и заявлений не было опубликовано в связи с чеченской трагедией» (Патриарх Алексий. У меня не было соблазна пойти по иному пути // Независимая газета. 18.2.1999).

памятниках авторитетного учительства, может, из проповеди Шамиля или других учителей чеченского народа. Проповеди, в которых осуждалось бы вторжение на территорию чужого народа, захват заложников, осуждалось бы рабовладение.

Н. Болтянская: — Мы задавали вопрос: готовы ли лично вы признаться в антипатии к представителям той или иной нации? Позвонили нам 1248 человек за несколько минут. Как вы думаете, как разделились голоса? 90% — не готовы, 10% — готовы. А вы как думаете?

В. Абубакаров: — При той политике, которая сегодня проводится, я думал, что показатели будут удручающими.

Н. Болтянская: — А ваше мнение?

А. Хамзаев: — Те, кто заинтересованы в разрушении единого российского государства, делают все возможное и невозможное для того, чтобы на этой территории великого государства существовало вечная междоусобица. И население российского государства вечными попрошайками выглядело. Авторы подобных публикаций, с моей точки зрения, заслуживают высших орденов гитлеровского идеолога Геббельса, который 15 июня 1941 года в своем дневнике записал: цель нашего похода на Восток — разрушить этот великий монстр и на месте его создать десятки и сотни междоусобствующих карликовых государств. Я считаю, что лицо, достаточно осознающее свои поступки, не может этого не понимать. И прикрываясь благими намерениями в защиту якобы оскорбленного, униженного чеченцами русского народа делать все возможное для того, чтобы русский народ в первую очередь не процветал, а вечно пребывал в кровопролитии и повседневных потасовках. И, тем не менее, я все равно оптимист. Я считаю, что отношение между национальностями и отношения между национальностью и государством — вещи несовместимые и неравнозначные.

Н. Болтянская: — Я назову цифры. 38% готовы признаться в своей личной антипатии к любым представителям других наций, и 62% не готовы. А вот сообщение непосредственно Абдулле Хамзаеву из Питера: "Оскорбить народ или нацию невозможно — они не субъекты права. Эти понятия входят в политическую идеологию демагогов и аферистов и рассчитаны на неграмотных и фанатиков".

А. Хамзаев: — Я бы хотел сказать не просто формально, что это не субъекты права. Они в определенной мере субъекты права, т.к. в уголовном

законодательстве есть такая норма. Я просто хочу сказать, что в любой нации достаточно здравомыслящих людей, чтобы не оскорбиться и на подобные провокационные выступления не проявлять ненависть к 120-140 млн. русскому народу.

Н. Болтянская: — Поступил вопрос отцу Андрею — «А как же быть с земледельцем Каином, который убил скотовода Авеля?»

А. Кураев: — Дело в том, что тогда речи не могло быть о конфликте культур, потому что культуры еще не было, а было всего 5 людей, принадлежавших к одной семье. Поэтому не могло быть речи о различии стандартов поведения. Не надо путать криминалистику и культурологию. В культурологии сейчас повторяется традиционная дискуссия средневековой философии европейской — конфликт номиналистов и реалистов. Номиналисты считали, что никаких общих понятий не существует, есть отдельные предметы, а вот общее — это не более, чем абстракция. А реалисты утверждали, вслед за Платоном, что общее это нечто реальное. Вот сегодня я ставлю вопрос так. Когда человек совершает некий поступок, который негативно оценивается с точки зрения современной европейской этики, то может ли быть, что это был не столько его личный выбор, сколько следование тому стандарту поведения, который он впитал с молоком матери, который он унаследовал от своей культуре, может быть, социальной, а может, и национальной.

А. Хамзаев: — У меня вопрос ко всем нашим слушателям, в том числе к г-ну Кураеву, который, я подчеркиваю, своими статьями, выступлениями, пытается провоцировать чеченскую ненависть к русскому населению. Вопрос: какой культурой обусловлено — бабка, убившая своего деда в русском регионе, и сообщившая следствию, что она его часть скормила собаке Ночке? Какой культурой обусловлены действия 2 квартирантов в Туле, которые забили насмерть своего хозяина и часть его зажарили на сковородке? Чеченской ли культурой, скотоводческой ли культурой? Или какой-то иной культурой? Не надо уподобляться гусям, которые кричали — га-га-га, наши предки Рим спасли! Оставьте шумерские культуры и цивилизации, мы живем в 21 веке, и каждый хочет нормально спать. Следующий еще вопрос: какой культурой обусловлено было убийство 54 русских людей чеченцем Чикатило? Для удобства г-на Кураева я его именую чеченцем. Какой культурой были обусловлены действия Оноприенко, убившего порядка 40 христиан? И последнее, я скажу, являлся ли милиционер Павел Шувалов, ходивший в женских колготках с разрезами сзади и убивших русских, 5 христиан, ското-

водческой ли культуры, чеченской ли культуры? И я хочу сказать там 38%, которые...

Н. Болтянская: — Готовы сознаться.

А. Хамзаев: — Я могу сказать — проголосуйте, проведите референдум, и мы избавим город, построенный Юрием Долгоруким, от чеченского пребывания здесь. С условием, что мне вернут разрушенный мой дом¹.

А. Кураев: — Я могу сказать, что слушатели не видели, может быть, самого интересного — мой уважаемый собеседник и оппонент эти вопросы зачитывал по бумажке. Что это значит? Что, к сожалению, у него очень низкая культура диалога. Потому что я ведь только что сказал, что надо различать личные преступления против человека (условно говоря — криминалистику) от культурологии. Дважды в ходе дискуссии я это сказал. Не надо все преступления, которые творятся каким-то режимом, властью, отдельным человеком возводить к культурным корням. Это не так. Но, КРОМЕ ЭТОГО бывает и другое. Все вами зачитанные лица, от Чикатило до кого угодно, совершали поступки, которые, безусловно, осуждались общественным мнением и русских, и чеченцев. Но есть такие поступки, которые нельзя совершить в тайне, в отличие от того, что делал Чикатило. Когда в каком-нибудь селе или ауле кто-то держит рабов и использует их в полевых работах, в строительстве, на нефтеперегонном маленьком заводе, все село знает, у кого рабы. Но при этом никто об этом ни докладывает, никто с рабовладением не борется. Значит, общественное мнение соглашается с рабовладением. И почему же у эстонцев не было рабовладения в знак протеста против советской власти, а в Чечне было?

Н. Болтянская: — Прошу!

В. Абубакаров: — Священнослужитель искажает факты. На Руси до 1862 года рабовладельчество было.

Н. Болтянская: — Да, крепостное право. Но мы говорим об 20-м веке.

В. Абубакаров: — И еще одно. С нами разговаривает представитель православной церкви...

¹ «Дело о своем разрушенном доме в Урус-Мартане он тоже проиграл, зато теперь собирается в Страсбург, где дело под названием "Абдулла Хамзаев против России" уже зарегистрировано» (http://forum.grani.ru/chechnya_polit/articles/khamzaev/). 2 июля 2002.

А. Кураев: — Вы можете начать разговор на эту тему с осуждения рабовладения в Чечне? Признания факта, что это так? Иначе возникает ощущение, что Вы пробуете оправдать рабовладение!

В. Абубакаров: — Я не пытаюсь ничего оправдывать. Дело в том, что я в этой республике с 1982 года по 1996 год проработал в аппарате прокуратуры республике. И то, что вы говорите — это были единичные случаи, которые совершенно не сопоставимы с тем, что творится даже сегодня в Москве, не говоря уже о России.

Н. Болтянская: — Цифры есть?

А. Кураев: — Цифры можно найти на интернет-сайте Минюста, где опубликованы материалы, которые РФ сейчас передает, в частности, в Данию в связи с экстрадицией некоторых деятелей чеченской диаспоры. И там свидетельства людей, которые были в рабском плену в Чечне.

А. Хамзаев: — Я хочу сказать, что 26 марта 2001 года разведрота российских вооруженных сил на 3 БТР въезжала в одно чеченское село, якобы для освобождения русских рабов, пребывающих в чеченском рабстве. И действительно, из этого села вывезли 2 русских мужчин. В целях обеспечения безопасности от тех, кто восстанавливают конституционный порядок, я их фамилии не буду называть. Но они так удачно на третий день вернулись в родной чеченский аул, где они проживали в качестве плотников в чеченских семьях на протяжении 20 лет, и сегодня продолжают пребывать. И последнее — коль чеченцы рабовладельцы, почему русские женщины, жены чеченцев, не покидают своих рабовладельцев-мужчин? Давайте спросим их об этом! А то, что г-н Кураев говорит, это называется — слышал звон, не знаю, где он. Пусть он назовет конкретный аул, в каком содержались русские якобы рабы. Мы всегда, в 20-е годы оголодавшие в коммунистическом режиме, русских, украинцев принимали в чеченские дома, на протяжении всего 19 века русских рекрутированных крепостных солдат и младших офицеров принимали в наши семьи, отдавали им своих дочерей и сестер. И сегодня на территории Чечни благополучно проживает русское племя, многочисленное, мощное чеченское племя, потомки беглых русских солдат. Я опять-таки называю, это пропаганда с целью того, чтобы не чеченцев возненавидели русские, а чеченцы и мусульмане возненавидели русских. Но факир был пьян, и фокус не удался. Мы достаточно культурные люди, чтобы на подобные провокации не поддаваться!

А. Кураев: — Зайдите на сайт Минюста.

А. Хамзаев: — Сайт, мы знаем, что такое сайт!

А. Кураев: — Но если *Вы* фальсифицировали дела, это *Ваш* личный опыт. А поймите, за последние 10 лет были сотни публикаций и сотни свидетельств...

А. Хамзаев: — Мой опыт заключается в том, что я потомок скотоводов, как вы выражаетесь, из московских туалетов извлекал русские расчлененные трупы, зарезанных вашими земледельцами, к вашему сведению. Мой опыт говорит об этом! И для этого я был приглашен в Москву, и заслужил уважение москвичей.

А. Кураев: — Но пока мы не услышали, заметьте, из уст представителей чеченской диаспоры нравственной оценки рабовладению. Только отрицание факта, мол всего этого не было, и русским у нас так хорошо, что они мечтают жить в Чечне. Но нравственного осуждения рабовладения пока мы не услышали.

Н. Болтянская: — Прошу вас!

В. Абубакаров: — Священнослужитель забывает о том, что в тех же горах есть 2 древние нации, грузины и армяне, к тому же армяне — первое в мире государство, которое православное христианство приняло, государственную религию приняло. Такая же и Грузия. То, что у них своя культура — это не значит, что с ними надо конфликтовать, пытаться их выжить. Я не думаю, что постановка вопроса даже правильная. Я не считаю, что постановка вопроса — там было рабство — эта постановка вопроса, священнослужитель поддаваться пиару и распространять клевету не должен. Сайт — это у каждого дворового мальчишки свой сайт...

А. Кураев: — Сайт Минюста, где опубликованы официальные документы, переданные российским правительством в международные юридические и судебные инстанции...

Н. Болтянская: — Правильно ли я вас поняла, что вы, генерал юстиции, считаете, что на сайте Минюста может быть опубликовано откровенное вранье?

В. Абубакаров: — Дело в том, что должны быть номера уголовных дел и осужденные люди, а этого, я знаю точно, нет.

Н. Болтянская: — Вопрос на пейджер: "Если в благополучной Москве 38% придерживается околонацистских взглядов, скинхеды могут

безнаказанно резвиться на Манеже, президент пугает журналиста обрезанием, что можно сказать о состоянии нашей культуры? Интересно, что говорит на эту тему российский фольклор?" Вопрос у меня к отцу Андрею: что можно сегодня сделать для того, чтобы вас, меня, всех присутствующих в этой студии оценивали по личным нашим качествам, а не потому, что один из нас, условно говоря, земледелец, другой — скотовод, третий еврей, чеченец, араб, негр?

А. Кураев: — Я вынужден буду еще один черный мазок положить на ту картину, которую нарисовали 38% не просто москвичей, а слушателей "Эха Москвы". Это все-таки не средний москвич, это аудитория своеобразная и даже определенным образом воспитанная вашим радио. И даже здесь, тем не менее, оказывается такой огромный процент. Конечно, это очень печально. Что нужно делать для того, чтобы такого не было, таких позорных вещей? Я считаю, что со страстью, а это ведь эмоции ненависти к инородцам это страсть, есть вполне очевидный способ борьбы — это разум, просвещение. Более трудный путь — воспитание чувств (чувства любви, терпимости, чувства свободы, в конце концов). Но это сложнее. Разум воспитать легче. Поэтому я и считаю важным получение нормального религиозного образования. Только что я выступал у Шустера в "Свободе слова", и там этот вопрос обсуждался. Многие люди выступают против религиозного образования в школах, ибо полагают, что это приведет к всплеску межнациональной розни. А я, напротив, считаю, что если государство не возьмет под свой контроль религиозно-национальное воспитание людей, люди будут воспитываться листовками в подворотнях.

Н. Болтянская: — Тот же самый вопрос к вам.

А. Хамзаев: — Это нужно для того, чтобы кураевым и им подобным не позволяли заниматься националистической пропагандой, в первую очередь, и больше ничего.

Н. Болтянская: — Я считаю, что ваше обобщение в данной ситуации не вполне оправдано. Но это ваше мнение. Вахид Алиевич?

В. Абубакаров: — Я думаю, что государство и его СМИ должны заботиться о том, чтобы каждая нация, когда на нее идут нападки, находила у государства поддержку и защиту.

Н. Болтянская: — Принято. И я напоследок несколько скорректировала претензии к нашим уважаемым позвонившим. Мы вопрос формулиро-

вали так: кто из вас готов признаться в антипатии к представителям той или иной нации? И на мой взгляд, те 38%, которые позвонили и ответили "да" — это люди, которые нашли в себе мужество заявить о своих собственных взглядах. Есть люди, которые не готовы признаться, продолжая испытывать те или иные эмоции. Напоминаю, нашими гостями были Абдулла Хамзаев, адвокат, генерал юстиции, бывший прокурор Чечни Вахид Абубакаров, Андрей Кураев, профессор богословия, дьякон. Спасибо большое всем!

P.S. Позволю себе несколько комментариев к этой беседе. Даже ее передача на бумаге, думаю, показывает, какой накал страстей был с чеченской стороны. Поэтому я предпочел не погружаться в дискуссию. Ведь если речь идет о сопоставлении разных культур, то пусть лучше слушатели сами услышат, сколь громким оказывается различие этих культур. Мои чеченские собеседники это различие показали гораздо более оглушительно и убедительно, чем удалось бы это сделать мне с помощью теоретических выкладок.

Самое же показательное, увы, осталось за рамками этого прямого эфира. А именно — начало и конец нашего общения. Бедные и «гонимые» чеченцы приехали на этот эфир на дорогушем мерседесе с охранниками, а я, их «гонитель» — на метро. Когда же передача кончилась, Абдул Хамзаев не смог сразу остановиться. Уже перед выключенными микрофонами он еще пару минут доказывал мне, что он — патриот единой России, что за единую страну, ту страну, которой он как офицер служил... Поясняя, сколь самоотверженно честно и профессионально он выполнял свой офицерский долг, А. Хамзаев: так сказал о начале своей карьеры (в начале 60-х годов): «После училища меня распределили в один город. И через год городской прокурор сказал, что если бы у него было десять таких хамзаевых, то с этим православым быдлом здесь было бы покончено!». Через минуту А. Хамзаев: стал вспоминать заслуги своих предков: его дед служил в «Дикой дивизии», которая одна сохранила верность царскому трону. Тут снова прозвучало это же словечко: «Ах, как мой дед рубал это красное быдло на полях Кубани!». Кажется, в восприятии рода Хамзаевых русские, независимо от политических симпатий — это всегдашнее «быдло»...

P.P.S. Абдулла Майрбекович Хамзаев скончался в Москве в ночь с 5 на 6 сентября 2004 года. Наверно, все же его сердце было добрее, чем та по-

зиция, которую он озвучил в нашей очной дискуссии — и он не смог пережить ужас и позор Беслана.

Время новостей 13.10.04.

"Я не против контроля за православными школами. Только нужно ли это?"

В последний месяц российское общество практически убедили в том, что проникновение международного мусульманского терроризма на территорию нашей страны стало возможно из-за отсутствия должного контроля за исламскими образовательными учреждениями. Причем одними из первых о необходимости ввести цензуру в медресе и исламских университетах стали говорить представители радикально настроенных православных общин. Профессор Московской духовной академии диакон Андрей КУРАЕВ рассказал корреспонденту «Времени новостей», в чем именно православные обвиняют последователей Корана и почему считают необходимым контролировать исламских проповедников.

— Отец Андрей, считается, что трагедия в Беслане может спровоцировать всплеск антиисламских настроений в российском обществе. Насколько верны вообще заверения о нерушимости дружбы мусульман и христиан в нашей стране?

— Отношения православных и мусульман обостряются в большей степени не из-за терактов и исламистов, а из-за проектов типа «русского ислама». Христианство и ислам могут мирно сосуществовать в России, только если они развиваются в своих этнических границах. Попытка же специально адресовать исламскую проповедь к русским грозит серьезными последствиями. Христианская проповедь адресована всем желающим. Если нашу проповедь услышал татарин и пожелал креститься, мы рады. Опять же если проповедь ислама, адресованную всем интересующимся историей религии, услышал русский человек и принял ислам, мы не видим в этом большой проблемы. Это свобода его совести. Но когда от имени ислама организуются специальные миссионерские проекты, адресованные именно русским, это прямой вызов нам. Например, я видел на интернет-сайте русских исламистов баннер с изображением храма Христа Спасителя с полумесяцем вместо креста. И тут же бегущая строка «Русские люди, принимайте ислам». Если сами мусульманские лидеры не в состоянии регулировать подобные вещи, то мы это расцениваем как официальную агрессию.

— *Вы не считаете ислам русской религией?*

— Нет, конечно. Исторический опыт показывает, что сосуществование мусульман и православных под властью мусульман ведет в конце концов к серьезной деградации и ограничению жизни собственно христианской. А то и прямым гонениям. Я напомним, что русская церковь терпела татаро-монгольское иго до той поры, пока сама Золотая орда не стала исповедывать ислам. Поэтому пока со стороны Золотой орды были претензии на уплату налогов, послушание в политических вопросах, церковь считала это законной властью золотоордынского хана над русскими землями. Но когда появился религиозный фактор в наших отношениях и появилась опасность навязывания новообретенной веры, опасность для нашей души (а вы знаете, что неофиты всегда очень резки), Сергей Радонежский дал благословение Дмитрию Донскому на Куликову битву.

— *В последний месяц прозвучало немало предложений поставить под контроль исламские учебные заведения. Поддержали бы вы эту идею?*

— Да, конечно.

— *Кто тогда должен контролировать?*

— Думаю, что здесь должна быть двойная цензура: со стороны руководителей российского ислама и со стороны государства.

— *Но ведь над Русской православной церковью такого контроля нет.*

— А я бы не возражал, если бы такой контроль был и над нашими учебными заведениями. То есть, с одной стороны, не возражал бы. А с другой — нужно ли это? Если бы мы видели, что из православных семинарий и церковных школ выходят экстремисты и террористы... А таких случаев не было. А сколько было сообщений о том, что в школах при мечетях вели занятия ваххабиты, выходцы из Саудовской Аравии! Не может быть речи об асимметричности реакции, когда ты четко видишь, откуда исходит угроза. Не надо становиться в странную позу и говорить, что мы на все должны одинаково обращать внимание. Может, тогда будем контролировать заодно и кружки филателистов? Надо избирать направления с наибольшей угрозой и пробовать там принимать меры. Я сторонник превентивных образовательных мер.

— Около месяца назад вы выступили с предложением ввести некую новую «догму» в православии, согласно которой погибшие от рук террористов приемлются Господом, независимо от того, какую жизнь они вели на земле. Вы действительно считаете, что такая догма необходима?

— В моем тексте, который вы прочитали, это слово не случайно стоит в кавычках. Только Вселенский собор мог бы провозгласить некий догмат. И то только при условии, что именно этот тезис веры всегда присутствовал в церковном предании и церковной жизни. Я использовал слово «догма» в светском смысле слова, как некий лейтмотив проповеди, обращенной к людям, особенно к тем, которые потеряли родных в терактах. Было важно сейчас сделать такой акцент надежды. Если бы я оказался заложником, я очень надеюсь, что Господь дал бы мне силы, мужество для того, чтобы не соизмерять свои интересы с интересами бандитов. Действительно, для религиозного человека телесная жизнь не есть высшая ценность. Есть нечто более важное. И более того, если человек не цепляется за свою жизнь, а готов отдать ее за ближнего своего, то он исполняет путь Евангелия.

Беседовал Кирилл ВАСИЛЕНКО